С 91
Ш 491

ВЪ ДЕБРЯХЪ СѢВЕРА.

НА СѢВЕРѢ.—АРХАНГЕЛЬСКЪ.—
ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.—ВЫМСКІЙ УГОЛОКЪ.—
УХТИНСКАЯ НЕФТЬ.

1.416.669

А. Ф. Шергин

И. А. Шергинъ.

С91
Ш49

ВЪ ДЕБРЯХЪ СѢВЕРА.

НА СѢВЕРѢ.—АРХАНГЕЛЬСКЪ.—
ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.—ВЫМСКІЙ УГОЛОКЪ.—
УХТИНСКАЯ НЕФТЬ.

1416669 т

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Отечественная типографія. Шпалерная, 26.
1910.

РС

200.00

Архангельская
областная научная
библиотека
им. Н.А. Добролюбова

2010

НА СѢВЕРѢ.

Стоялъ чудный іюньскій день. Послѣ холодныхъ вѣтровъ, носившихся почти весь Май надъ голой обледенѣлой землей, природа наконецъ-то вздохнула полной грудью: чувствовался всюду расцвѣтъ жизни и въ распустившейся почкѣ березы и въ полевомъ цвѣткѣ, надъ которымъ весело порхая, жужжали бабочки, и въ звучныхъ треляхъ жаворонка, сливавшихся въ одной общей гармоніи, одномъ торжественномъ гимнѣ Творцу, Создателю всѣхъ созданій.

По небу поплыли темно-синія тучки, унося въ глубь суроваго сѣвера оживляющія растительное царство, тепло и влагу; даже песчаные берега рѣки Сухоны стали желтѣе, отражая въ серебрящейся глади воды золотистые оттѣнки.

Въ противоположность Вычегдѣ или Сѣверной Двинѣ, гдѣ порой открываются необъятные поемные луга, рѣка Сухона отъ г. Тотьмы до Устюга вьется межъ песчаныхъ береговъ, возвышающихся мѣстами надъ уровнемъ воды саженей на сорокъ, сдавливая бурную рѣку въ узкій каналъ.

Въ верхнемъ концѣ „Березовой Слободки“ появился человѣкъ съ зеленымъ околышемъ на фуражкѣ и жестяной бляхой на груди. Въ одной рукѣ онъ держалъ палку съ желѣзнымъ крючкомъ, а другой поддерживалъ кожаную сумку, висѣвшую сбоку на ремнѣ, перекинутомъ черезъ плечо.

Мигомъ прибывшій былъ окруженъ гражданами „Слободки“ въ крашенинныхъ зипунахъ и рубахахъ, стиснувшихъ человѣка въ формѣ плотнымъ кольцомъ, а нѣсколько позднѣе вся „Слободка“ волновалась, словно предчувствуя нашествіе какой-то страшной грозы.

— Не вѣсте ни дня, ни часу,—слегка мотнулъ головой человѣкъ съ бляхой,—а лѣсничинъ будетъ безпремѣнно.

— Сказываетъ, что есть грѣшки.—Одно слово баринъ такъ выразились: плутовата эфта „Слободка“; она, гритъ, у меня бѣльмо на глазу; давно де ужъ я подъ нее добиваюсь. Думая пымать на мѣстѣ,—однажды нагрянулъ ночью. Такое нашъ баринъ попеченіе о лѣсахъ имѣютъ! Ну въѣхалъ въ „Слободку“, а мужики спросонку съ веревками да баграми прямо съ берега въ Сухону скачутъ! Спервоначалу и не смекнулъ чтой-то такое? Надо полагать въ догонку за ворами,—подумалъ онъ.—Апосля глядь поглядь отъ „Слободки“ цѣлая флотилія бревенъ отвалила. Нюхъ, гритъ, у березовцевъ есть такой, что всѣ планты начальства по духу узнаютъ!

— Ну все едино не въ Устюгѣ, такъ въ Архангельскомъ стибрятъ; ворованный лѣсъ далеко не уплавишь, махнулъ рукой баринъ. Тамъ охрана солидна, да опять и начальство въ силѣ, а тутотки что? глушь пустая, одно пространство...

— Самъ баринъ все мнѣ на носъ нарубаетъ: ты у меня, Филя, казенны клейма береги пуще глазъ! Не слимонили бы у тебя въ Березовой Слободкѣ. Насоборуешься, а тутъ на ворованный лѣсъ наклеятъ штемпеля и фюють! Тоды ужъ никаки-те охраны и заставы. Тю!

— Шутникъ право слово. Крутишь, готъ, ты меня, Филя, здорово. Раскроешь какъ на ладони всѣ беззаконія и порубки. Ну думаю давай накрою по теплымъ слѣдамъ. Заложишь тройку и мчишься, а тутъ ужъ готово... Тьфу! вспылитъ баринъ-отъ. Душа у эфтова Фили, что винтовая лѣстница, ведущая въ адъ!

— Я ему:—ваше лѣсное высокородіе коли вы обидное о моей цивилизаціи намѣреніе имѣете, то позвольте уволиться по собственной причинѣ...

— Нѣтъ, гритъ, Филя безъ тебя мнѣ не токмо что бургуньшампанскую тянуть, а пожалуй, что и сивухи не видывать, какъ своихъ ушей!

Часа два спустя въ просторной избѣ крестьянина Бородавкина сидѣли: Феофилактъ Елкинъ, приказчикъ Русскаго лѣсопромышленнаго Общества Вальдгофъ, человѣкъ съ зеленымъ околышемъ и бляхой и самъ хозяинъ.

На столѣ стояли двѣ бутылки съ казенной, треска, хлѣбъ и лукъ.

— Сплавные получили?—спросилъ Филя.

— Честь честью въ акуратъ, какъ по законамъ соотвѣтствовать принадлежитъ... отвѣтилъ Феофилактъ Елкинъ, наливая по чайной чашкѣ.

— Механика,—вздохнулъ Елкинъ, угощая гостей.—Съ приговорами битвы пропасть. Дѣло сказать теперь въ крестьянскихъ дачахъ, нѣтъ ни кола, а пишемъ приговоръ, что по случаю недорода льна предоставьте продать крестьянскій ельникъ. Деревенщина встанетъ на дыбы: самимъ нѣтутки новинки палить, сами таскаемъ казенной. Иной разъ сопрѣешь на словоговореніи... Намъ молъ надо сплавное, законъ,—а тамъ вы таскайте хоша Муромскіе иль Пермскіе лѣса. Поняли? Растолкуешь это какой значитъ мужикъ и авантажъ можетъ имѣть: За вывозку другіе платятъ четыре-пять рублей, а мы восемь-девять рублей. Уломаешь, а у себя подъ градомъ...

Намедни въ соборне съ лѣсничинымъ разговоръ коснулся ельника Лѣсничинъ прямо мнѣ въ глаза: нну, Феофилактъ Терентьичъ, набилъ ты братецъ на этомъ дѣлѣ руку здорово. Бутыли съ казенной осушены.—Рѣчь Феофилакта звучитъ все тише и, наконецъ, промычавъ нараспѣвъ, съ хрипомъ оборвалась, тогда какъ Филя растянувшись на лавкѣ бормоталъ: топерича скажемъ и баринъ похвальное о лѣсахъ попеченіе соблюдаютъ, а все же всяка стипендія о себѣ должна имѣть солидарность.

— Тьфу ты какую астрономію навелъ? Винтовая лѣстница? Одно предисловіе. Нынѣ не стара пора, раскрылъ толковый словарь и въ три дня объѣдешь всю эту лѣсную комплекцію до самово ревизора за милую душу.

Мало по малу и бормотавшій угомонился, захрапывая во всю ивановскую; но около него не было ни кожанной сумки, въ которой хранились казенные атрибуты, ни палки съ желѣзнымъ крючкомъ.

Лохматый котъ, дремавшій на шесткѣ, согнулся червячкомъ, потянулся и, сдѣлавъ хвостъ стрѣлкой, лѣниво зашагалъ къ столу, обнюхавъ мимоходомъ Филю.

Тѣмъ временемъ не далеко отъ Слободки въ лѣвомъ притокѣ Сухоны кипѣла лихорадочная работа: мужики усердно ставили казенный штемпель на сложенныя на берегу бревна, скатывая по наложеніи клейма въ воду.

— Рази въ камель, а то все едино дуй въ вершину!—коман-

довалъ зипунъ, ворочая бревна палкой съ желѣзнымъ крючкомъ. Главно дѣло законъ,—твердилъ зипунъ.

— Важность придаетъ большую,—отозвался скатывавшій бревна.

— Да по мнѣ лучше на одномъ бревнѣ до самово Архангельска!—замѣтилъ клеймившій.—Лонись я то же махнулъ на ура. Плыву, а на рѣкѣ тишь благодатная, ночь свѣтлая, какъ день. Гляжу къ перевозу лѣсничинъ подкатилъ, а Филя показалъ на меня рукой и лапортуетъ ему: Вшескоробіе это Онуфрій изъ Березовой Слободки по крестьянскому документу...

— Какъ, опять Онуфрій? Да вѣдь онъ ужъ сплавилъ?

— Вшескобріе, отъ волостново новый факультетъ вышелъ...

— Другіе по документу сплавили, а копіи продали для полученія сплавново.

— Это еще что?

— Не могу знать Вшескобродіе.

— А чортъ ихъ подери съ этими документами все оголили,— вспылилъ лѣсничинъ, да какъ грянетъ, только по лѣсу раскаты.

Меня и изъ ума вышибло. Когда прочухался на мѣстѣ лѣсничина стоитъ столбъ отъ водяново епартаменту, чтобы на счетъ фарватеру сумлѣнія не было...

* *
*

Солнце скрылось за горизонтомъ. На присухонскихъ горахъ пылаютъ въ золотѣ заката группы чахлыхъ елокъ. Какъ отблески догорающаго дня, ложатся на землю лучи свѣта и промелькнувъ по голымъ, покрытымъ лишаями мха уклонамъ горъ, ослѣпительно сверкаютъ на золоченомъ крестѣ часовенки, живописно взлетѣвшей надъ крышами домовъ деревушки Грязнухи, которая, сбѣжавъ по косогору, безпорядочно столпилась у самаго обрыва-берега, словно любуясь въ зеркалѣ Сухоны, отражавшей дома и людей опрокинувшимся вмѣстѣ съ берегомъ въ играющую радужными переливами гладь рѣки.

Изъ-за песчаной стѣны одинъ за другимъ выплывали плоты бревенъ, несшіеся быстрымъ теченіемъ безъ всякихъ усилій со стороны человѣка.

Въ то время какъ бревна, плывущія по Вычегдѣ и Сѣверной Двинѣ въ Архангельскъ, связываются „еловой вицей“ въ большіе паромы, настоящее движеніе представляло какой то, наскоро связанный веревками въ мелкіе плоты, нестройный потокъ,

носившій въ отличіе отъ крупнаго движенія, такъ сказать „кустарный характеръ.“

Съ рѣки донесся шумъ и плескъ, а скоро на поворотѣ Сухоны показался буксирный пароходъ, влекшій за собой двѣ огромныя барки, нагруженныя ельникомъ, распиленнымъ въ одну сажень длины „чурки“.

— Экъ вѣдь ельнику ваканція вышла,—заговорилъ крестьянинъ Опилкинъ въ домотканной рубахѣ, пестрѣвшей въ толпѣ, собравшейся на берегу.

— Современемъ упразднятъ и ельникъ,—продолжалъ Опилкинъ.—Намедни устюгская купчиха Сырорыбова была. Самая, говоритъ, неподходящая здѣся Палестина: сосна да ель, ель да сосна.

— А съ дровами слободнѣй стало,—перебилъ голосъ,—все „политика“. Одна требовываетъ ублаготворить мужика лѣсомъ, друга—землей, третья—опять бабье состояніе приспособляетъ, четверта—чтобы каждый воленъ былъ поступки производить на удивленіе...

— Выходитъ, не подступайся?

— Правильно! Налягутъ собча; ну правительство на мировую:—извольте, сдѣлайте ваше одолженіе, мужика ублаготворю землей и лѣсомъ, вози, пользуйся, а кто о бабьемъ состояніи и поступкахъ—отходи влѣво. Заберутъ тысячъ пятьсотъ и спровадятъ за тундру. Тоже и съ политикой не зѣвай, чуть что навяжетъ красну тряпку на палку и шествуй въ свое удовольствіе. Начальству это ножъ острый—Нашъ исправникъ говоритъ жизни рѣшусь, а не допущу. Недавно по городамъ всѣ съ красной матеріей ходили,—такъ подъ веселу руку и начальство пристроится, да еще съ припѣвомъ: «ахъ да всѣ одной то мы прородой на здѣшній свѣтъ призведены!

Пароходъ скрылся на поворотѣ, сопровождаемый криками съ плотовъ.

— Видать не купецкій лѣсокъ-то?

— Не вишь березовцы.

— Паря деньгу огрянутъ?

— Въ старину брали и мы. Суда бились объ камни, а мы по сотенной въ часъ брали на перегрузкѣ.—Нынѣ на елку ваканція.

— Апосля?

— Чево апосля?

— Я къ примѣру, ежель упразднимся.

— Э-э начальство... всѣ полюсы знаетъ, кому какая по наукѣ можетъ цивилизація. Возьмемъ земномѣръ. Выходитъ ёнъ разумѣй вся преисподняя земли, какъ по плантамъ должна соотвѣтствовать; теперича скажемъ попъ, ну ты отдѣляй тамъ одесную и ошую и долженъ наперечетъ знать всю рогатую съ хвостиками ораву...—чтобы въ случаѣ любово еретника могъ обуздать; а лѣстничинъ опять знай досконально каждое сословіе: ель, пихта, березникъ, сосна кому какая линія можетъ принадлежать. Съ понятіемъ я говорю?

— Именно!

Давно догорѣлъ небосклонъ сѣвера; поблѣднѣли пурпурныя облачка на горизонтѣ, а на Сухонѣ все то же движеніе.

Порой мелькнетъ въ зеркалѣ рѣки огонекъ, пылающій на плотѣ, исчезая за песчаной стѣной;—изрѣдка долетятъ съ рѣки привѣтственные голоса раздаваясь въ присухонскихъ лѣсахъ; а какъ бы въ отвѣтъ, гдѣ то въ глубинѣ чащи прозвучатъ «буфъ-бу», да пронесется съ шумомъ пернатая стая и опять покой.

* * *

Съ холмовъ, окружающихъ Устюгъ, уныло глядитъ ельникъ, а тамъ вдали надъ волнящимся хвойнымъ моремъ медленно поднимается туманъ и матовой пеленой застилаетъ все. Въ легкомъ сумракѣ полярной ночи, этотъ плывущій туманъ давалъ впечатлѣніе спокойной, громадной волны, скрывшей Великій Устюгъ. Но вотъ выдѣлились въ снѣжномъ облакѣ контуры церквей, безпорядочно разбросавшіеся по набережной Сухоны, а за ними, на почтенномъ разстояніи отъ «святая святыхъ», торговый Устюгъ, старинные каменные дома съ уцѣлѣвшими кое гдѣ желѣзными рѣшетками, идущіе безконечной улицей параллельно храмовъ.

Въ воздухѣ холодно и сыро. Утро еще далеко; но версты двѣ ниже Устюга, на берегу Малой Двины, торговля бревнами уже кипѣла во всю.

— Упекутъ съ вашимъ лѣсомъ куды Макаръ телятъ не гонялъ,—говорилъ скупщикъ Дудка, сѣменя короткими ножками.—Упекутъ какъ пить дать и не моргнешь,—повторялъ онъ, поддерживая брюшко, падавшее на отвѣсъ.

— Что вы ваша свѣтлость,—бойко возражалъ крашенинный зипунъ: «не краденый лѣсъ, законъ на лицо».

На этотъ разъ сдѣлка состоялась: за сосновое бревно десятерикъ, Дудка отвалилъ по два цѣлковыхъ, тогда какъ тоже бревно въ прошломъ году шло съ трудомъ за полтора.

— Большое дѣло законъ,—говорилъ на радости зипунъ.

Въ то время какъ купленная партія бревенъ уже отплывала отъ берега въ мѣста, предназначенныя Дудкой, изъ Устюга примчались скупщики: Мошка Типунъ и Ляписъ Лейзеровъ Капканъ.

— Уфъ,—вырвался звукъ изъ груди прибывшихъ, словно вызванный электрическимъ токомъ.

— Дудка?

— Дудка?

Мошка и Ляписъ стояли, какъ вкопанные, повидимому желая, что-то высказать, но только уставившись другъ на друга глупо моргали, шевеля губами, будто прожевывая пилюлю, поднесенную Дудкой.

— Пхе, Дудка.

— Дудка.

— Вшвиново рыла! Всѣ шпятъ кошке, шпятъ собаке, а Дудка.

Пока шелъ между «лѣсопромышленниками» обмѣнъ впечатлѣній, къ берегу пристали еще три запоздавшія «плитки» бревенъ. Разговоръ сразу оборвался, и Мошка съ Ляписомъ полетѣли съ песчанаго обрыва чуть не кубаремъ.

— Ага, лѣшокъ приплавили?—заговорили скупщики, осматривая бревна.—Пхе, червячокъ покушалъ. Да у васъ и жаклеймованъ,—припрыгнулъ Типунъ.—И вшплавново имѣется?

— Не обезпокойтесь ваша милость,—отвѣтили березовцы, какъ значитъ законъ и отъ лѣсново по эфтому пункту лезорюція...

— Пфуй,—оживился Типунъ. Да что намъ вашево лежорюція и клейма. Хошь за пятишникъ дюжину, уфъ сотню представимъ и клейми всѣ сѣверные, всѣ американскіе лѣша... А что вы себѣ думаете, продолжалъ Типунъ. Ежели бы васъ съ крадеными бревнами уфъ штибрили, то отсидѣли въ Устюгскомъ острогѣ и ладно, домашнево дѣла, а какъ вы фальшивово клейма наштавили, то за подлогъ на уфъ Шахалинъ!..

Рѣчь Типуна произвела такое дѣйствіе, что одинъ зипунъ улизнулъ, да и другіе пошевеливали крыльями, выжидая удобную минуту.

— Стой, дядя,—крикнулъ вслѣдъ улизнувшему Типунъ. Дѣло говори,—по рублю за десятерикъ и по рукамъ. Сдѣлка состоялась, а часъ спустя Ляписъ и Типунъ трусили въ Устюгъ, подсчитывая барыши.

Широко и далеко разлилась Сѣверная Двина, сверкая водной гладью. Чуть-чуть замѣтно темнѣетъ вдали островокъ, покрытый кустами ивы, за которымъ снова искрится подъ лучами солнца зеркальная поверхность, оттѣненная очертаніями горъ съ лѣпящимися по нимъ домами, точно висѣвшими въ туманной синевѣ, сгустившейся на краю купола неба.

Граціозно скользитъ по блестящей поверхности изящный пароходъ «Сѣвернаго Пароходнаго Общества, Котласъ, Архангельскъ, Мурманъ», а за нимъ уже оставшись далеко тяжело дышитъ буксирный.

На высокомъ берегу, краснѣющемъ отвѣсной стѣной, пестрѣетъ толпа, собравшаяся изъ прибережныхъ поселеній полюбоваться на чудный сѣверо-двинскій пейзажъ.

Потревоженная пароходами Двина приняла снова покойный видъ, а на ея блестящей глади, какъ въ дорогой оправѣ, желтѣютъ огромные плоты бревенъ, живые плывущіе островки.

На плотахъ чернѣютъ лодки, опрокинутыя на бокъ, представляя убѣжище-шалашъ, гдѣ люди скрываются на отдыхъ и сонъ. На соломѣ, разостланной въ шалашѣ, беззаботно зѣваютъ рабочіе, изрѣдка дѣлая соотвѣтствующіе жесты рукой, чтобы запалить цигарку или бросить полѣно на огонь.

Вотъ выглянула крохотная избушка, затѣйливо сооруженная на срединѣ плота, гдѣ обыкновенно живетъ приказчикъ, держащій въ своихъ рукахъ нити движенія. Изъ желѣзной трубочки, согнутой колѣномъ, змѣится бѣлая струйка дыма, а надъ самой избушкой свободно развѣвается красная тряпка на шестѣ.

Протрусила по плоту цвѣтная юбка и сдѣлавъ два-три движенія весломъ, остановилась взглядомъ въ небесную синь.

Ясный лѣтній день давно уже смѣнила «бѣлая ночь»; только на горизонтѣ сѣвера догораетъ алая полоска.

Движеніе плотовъ принимаетъ очаровательно-сказочную картину: то закурится избушка на плотѣ, пуская бѣлыя струйки дыма, то вспыхнутъ разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ огоньки, играя разноцвѣтными лучами въ покойной глади рѣки.

На плотахъ царитъ приподнятое настроеніе, чему способ-

ствовала благопріятная погода, сулившая легкій и хорошій заработокъ.

— Ежели такой ходъ, то черезъ два дня Архангельское увидимъ,—коверкая слова говорилъ зырянинъ.

— Пріѣдемъ,—протянулъ нараспѣвъ голосъ подъ лодкой.

На другомъ концѣ плота лѣниво жуетъ черствую краюху хлѣба портняная рубаха, зѣвая время отъ времени на догорающій горизонтъ сѣвера.

— Въ Архангельскомъ семь фунтовъ калачей куплю,—испускаетъ звуки жующій краюху.

— Пять съѣмъ на разъ,—слышится отвѣтъ.

— Семь и бутылка водки,—настаиваетъ рубаха.

На зеркальной глади Двины показалась легкая зыбь, шумно бурлилъ стремительный потокъ, несшійся прямо на отвѣсный берегъ, темнѣвшій надъ водой, угрожая каравану сильнымъ толчкомъ.

Дружно заработали весла, а черезъ минуту паромъ несся на срединѣ рѣки.

— Ребятушки, грянь-кося, грянь удалѣе, раздалась команда, направленная на отставшій паромъ, гдѣ гремѣла счастливая пѣсня подъ звукъ гармоники.

На заднемъ паромѣ зловѣще мелькнулъ огонекъ, скрывшись подъ берегъ, но гроза эта не прервала пѣсни, а скоро она снова звучала въ тихомъ плесѣ Двины.

— Худой басъ задоръ гудитъ,—пробуя басъ гармоники, произноситъ молодой парень.—Въ Архангельскомъ новую куплю; десятку надо выложить.

Сквозь легкія облачка на сѣверо-востокѣ прорываются лучи всходящаго солнца, золотя верхушки лѣсовъ, покрывающихъ берега; но зыряне съ безпокойствомъ глядятъ на западъ, гдѣ всплываетъ изъ-за лѣса свинцовое облако. Дунулъ вѣтерокъ, охватившій рябью зеркало воды, а не прошло и полчаса, какъ по небу ползли зловѣщія тучки, низко падая темными клочьями, казалось, на самыя вершины лѣса.

Бѣшеными порывами вѣтра вздымались огромные валы, набѣгая другъ на друга пѣнились, шипѣли, выставляя клокочущіе гребни.

— Робятушки, грянь кося, грянь, гремѣла команда.

— О-о, у-у—гудѣли трагическія нотки въ двинскомъ просторѣ.

Порой теченіе Двины распадалось на всѣ стороны. Уже цѣлыя сутки зыряне ведутъ упорную борьбу съ стихіей, но увы безплодно. Только на слѣдующій день когда вѣтеръ утихъ и Двина снова вздохнула покоемъ, верстахъ въ десяти отъ ея главнаго русла, на низменномъ берегу у деревни „Заостровье» господствовало необычайное оживленіе.

— Плотовъ-то, плотовъ-то нагнало:—страху подобно, разводилъ руками казинетовый пиджакъ съ висѣвшимъ внизу клочкомъ ваты.

— Никакъ Фонтейновски лѣса?

— Я-жъ-те баю Шольчовски.

— Не вишь ель?

— Щё ель?

— Ой ты, масало проклятое:—щё ель, а то-же суешься въ политику...

А на берегу тѣмъ временемъ разгуливалъ казинетовый пиджакъ съ клочкомъ ваты, дѣлая усиленныя движенія рукой.

— Эво куды втюрило на «Акимкинъ лугъ»,—говорилъ пиджакъ, указывая рукой.

Такъ какъ горизонтъ воды сильно понижался, то приходилось многіе плоты разбирать и, перекатывать по бревну, заново связывать. Работали зыряне прямо безъ передышки, бродя по горло въ водѣ.

— Солона трудовая копейка,—разсуждалъ пиджакъ.— Такъ надо полагать и до Петрова дня не двинешься!

Приказчики и подрядчики нанимали мужиковъ для съемки бревенъ, но послѣдніе заламливали высокія, прямо не суразныя цѣны и упорно стояли на нихъ.

Многіе подрядчики, видя, что «съемка» потребуетъ крупныя затраты, бѣжали, предоставляя рабочимъ взыскивать деньги съ турецкаго султана.

Собравъ кое какія копейки, рабочіе отыскиваютъ ходатая, который, настрочивъ «прошеніе», направляетъ полуголодную партію по начальству.

Потерявъ много дней на безплодныя хожденія, рабочіе возвращаются домой съ разбитыми надеждами, выхлопотавъ безплатный проѣздъ на пароходахъ Сѣвернаго Общества.

Архангельскъ.

Далеко остались крутые, отвѣсные берега, краснѣющіе громадной стѣной надъ Сѣверной Двиной. Промелькнули, сверкая бѣлизной, алебастровыя наслоенія, идущія на нѣсколько десятковъ верстъ возлѣ самой воды причудливой лентой въ одну—двѣ сажени вышины, а на этой блестящей полосѣ, какъ на фундаментѣ, ярко зеленѣя, горѣлъ залитый лучами солнца пышный лиственный покровъ. Порой на алебастровой лентѣ змѣятся песчаныя полоски, а надъ ними, утопая въ зелени, бѣлѣетъ стволами березовая роща.

Сдѣлавъ послѣднюю недолгую остановку въ Усть-Пинегѣ, пароходъ нашъ огибая мысъ, скользнулъ возлѣ самаго берега, откуда, поднявъ быстро голову, бросаетъ испуганный взглядъ рогатая красавица-холмогорка и какъ бы убѣдившись въ мирныхъ намѣреніяхъ «Гремящей игрушки», скрывается въ низинѣ, гдѣ пестрѣло огромное стадо коровъ.

Бодрящей прохладой дышала Двина. Загорится подъ лучами солнца покойная гладь миріадами искръ и почти мигомъ гаснетъ ослѣпительное сіяніе. Гдѣ-то далеко лепится по уклону тѣнистая роща, за которой бѣлѣетъ пятиглавый храмъ. Нѣсколько въ сторонкѣ отъ села подняла крылья вѣтренка, а еще далѣе волнятся одинъ за другимъ убранные бархатомъ холмы, порой сбѣгающіе къ Двинѣ роскошными овалами. Мелькнула въ глубь небесной лазури чайка и, распустивъ крылья, остановилась словно очарованная величественной картиной.

Миновавъ «Холмогорье», Двина снова серебрится въ гористыхъ берегахъ, накрытыхъ дремучимъ ельникомъ, уныло, неподвижно глядящимъ въ зеркало рѣки, какъ будто опрокинувшись вмѣстѣ съ берегомъ внизъ вершинами всей своей щетиной.

Въ безконечномъ плесѣ Двины, оттѣненномъ на горизонтѣ хвойной каймой, точно залитой голубымъ флеромъ, показался Архангельскъ; все яснѣе и яснѣе всплывали каменныя зданія безконечной набережной.

Верстъ пять не доѣзжая города на правомъ берегу Двины дымится лѣсопильный заводъ нѣмца Суркова, а противъ завода чернѣли морскіе пароходы, прибывшіе изъ-за границы за досками.

Ловко лавируя среди судовъ, выстроившихся на архангель-

скомъ рейдѣ, темнѣя лѣсомъ мачтъ, пароходъ нашъ плавно подошелъ къ пристани.

Потянулась «набережная»: дома духовнаго вѣдомства, „Сурское подворье“, сооруженное по иниціативѣ о. Іоанна Кронштадтскаго. Красный каменный домъ въ три этажа, еще издали бросается въ глаза высокими главами, по коимъ вьются разноцвѣтныя полоски. Далѣе городской театръ, торговая площадь, украшенная «гостинымъ», представляющая развалину, а ниже по уклону къ Двинѣ разбросались деревянныя лавочки, гдѣ кипитъ рыбная торговля. Затѣмъ «Соловецкое подворье», длинные корпуса таможни, присутственныя мѣста, судъ, почтовая контора, а еще далѣе выглядываетъ обугленный остовъ — техническое училище, громадный домъ, выгорѣвшій, кажется, въ 1906 г., но до сей поры стоитъ такъ, пугая боязливыхъ и суевѣрныхъ людей. Эту оффиціальную цѣпь заканчиваетъ: кирпичное зданіе «казеннаго виннаго склада» и городская больница.

Перечисленные дома тянутся на пространствѣ семи-восьми верстъ, отдѣленные одинъ отъ другого огромными пустырями, какъ впрочемъ и весь городъ нельзя сказать, чтобы особенно тѣснился; стоитъ домишко въ три окна, а кругомъ просторъ на цѣлую десятину...

Параллельно набережной — «Троицкій проспектъ» — центральная артерія города, сверкаетъ электричество, довольно сносная мостовая, но ужъ далѣе не взыщите... лошади вязнутъ по самыя уши!

За правымъ рукавомъ Двины виднѣется предмѣстье Архангельска, Соломбала, гдѣ желтѣетъ колоссальное зданіе въ окружности не менѣе полверсты. Вѣчное сооруженіе, основанное болѣе вѣка назадъ, какъ и въ стѣнахъ его все «внѣ времени». Въ верхней части помѣщается дисциплинарный баталіонъ, въ срединѣ — канцеляріи и Дирекція маяковъ и лоціи Бѣлаго моря. Вторая половина представляетъ руину. Изъ-за высокихъ стѣнъ каменной громады выглядываютъ обугленныя трубы.

Жили здѣсь арестанты, но потомъ пожаръ упразднилъ... Такъ всѣ и махнули рукой на проклятое мѣсто... Можно было бы приспособить вѣчныя стѣны напримѣръ для рыбацкой школы, въ которой до зарѣзу нуждается Архангельскій край, гдѣ представьте до сего времени нѣтъ ни одного разсадника рыбацкой культуры, но откуда взять деньги? Съ большой пользой для

дѣла можно было бы «упразднить окончательно» и Дирекцію маяковъ и лоціи Бѣлаго моря, поглощающую ежегодно нѣсколько сотъ тысячъ казенныхъ денегъ или по крайней мѣрѣ изъ шести морскихъ пароходовъ, которые нынѣ почти цѣлую навигацію стоятъ у набережной Дирекціи, оставить для наблюденія за маяками и пр. «бумажной службы» не болѣе двухъ, но попробуйте сдѣлать?

Вернемся къ архангельской культурѣ, которую я почувствовалъ тотчасъ же, какъ только нога моя ступила на зыбкую почву истока Двины.

Первымъ дѣломъ мнѣ не повезло съ извозчикомъ, который заломилъ цѣлый рубль за переѣздъ ста саженей.

— Баринъ, а баринъ,—трусилъ за мной Ванька.—Ну такъ чтошь ѣдемъ?—Э-эхъ понятіе.—Запросилъ рубль шагаетъ молча, какъ черепаху проглотилъ.—Да говори чтоль! Вотъ ужъ нѣмецъ—одно слово сюжетъ!.. Особливо коды въ ударѣ. Очень пріятное обхожденіе имѣютъ.. Душу выложатъ струнка въ струнку! Начнетъ: кофъ, трифъ, топъ.. ничего и не поймешь, а посля разговоришься и пойдетъ дѣло какъ по маслу.. Вѣстимо ужъ нѣмецъ придураковатъ немножко, но учености такая прорва и не говори... До всего прилежаніе наводитъ: «финь, шинъ, резинъ» и докажетъ по косточкамъ, какъ эфта самая резинова шина призошла и какой тамъ пролетка, ежель на резинѣ и рессорѣ, дивидендъ можетъ имѣть... Чтобъ, говоритъ, какую пташку въ шляпкѣ прокатить такъ одна краса. Тьфу, разсужденіе! Оно ужъ знамо нѣмецъ, хоша и голова, а не дадено той закваски. По нашему званію кто, скажемъ, справилъ пролетку на резинѣ, ну и сажай съ разборомъ больше купецко сословіе и тамъ женскій полъ, ежели сыровѣсенъ и знатенъ. А чиновникъ и эфта «пташка». Тю! одно сумлѣніе... Разъ я съ Пфуфой, Карла Карлычемъ, по Тройцкому катилъ. Ну доѣхали до Сурскаго подворья, а изъ оконъ послушницы Пфуфѣ ручки дѣлаютъ и такая амурія пошла просто пакость, даже глядѣть тошно? Прежде бывало монахиня иль тамъ келея, такъ ужъ ни тинь-тинь и смотритъ въ землю. Нынѣ... Знамо женское сословіе...

Повернувъ съ тротуара, я сталъ подниматься по лѣстницѣ, а Ванька, ошеломленный неожиданнымъ исходомъ, произнесъ:—Э-эхъ баринъ, а ещо баарин,—труха!

На рыбномъ рынкѣ царитъ торговое настроеніе. У самой

пристани выстроился рядъ парусныхъ судовъ, прибывшихъ изъ сосѣдней Норвегіи съ треской. Въ то время какъ наши поморы бѣломорскаго побережья расправляютъ крылья на Мурманскій берегъ, гдѣ въ теченіе лѣта занимаются ловлей трески, сайды, пикшуя, возвращаясь въ концѣ Августа къ Маргаритинской ярмаркѣ въ Архангельскѣ, счастливые норвежцы уже доставили сотни тысячъ пудовъ трески, продавая по 2 р. пудъ, даже 2 р. 50 к. и до 3 р., т. е. чуть не въ полтора раза дороже, чѣмъ осенью. Получивъ обильную дань за нашу лѣнь, норвежцы на всѣхъ парусахъ несутся за новыми партіями.

Между судами стоятъ морскія шкуны, пришедшія въ Архангельскъ съ звѣриными промыслами. На берегу засаленные поморы очищаютъ ножами жиръ со шкуръ перпа и др. морскихъ обитателей.

Тутъ-же противъ судовъ съ треской на мостовой набережной выстроились рядомъ сизоносыя торговки съ лотками, на которыхъ серебрятся сиги, навага, окунь, лещъ.

— Сижка, сижка не угодно-ли,—зазываетъ покупателя торговка, но если послѣдній, прицѣнившись, почему либо отходитъ не купивъ, то вслѣдъ ему хрипитъ сизоносая ворона:— Э-эй, баринъ, вона тамотки торговка ушла коровъ доить, прицѣнись-ка лучше; у ней на лоткѣ карась дремлетъ, не зѣвай! Шентраппа, прости меня Господи какъ разгнѣвилъ, даже въ потъ бросило.

Нѣсколько выше по уклону за рыбными лавочками тянется шеренга молочницъ съ лагуньями и полулагуньями изъ подгородних деревень, но и эти уже пропитаны осадками городской цивилизаціи.

— Мнѣ бы крыночку молока,—спрашиваетъ впервые попавшій на рынокъ.

— Каку-те крыночку? Да ты отколь такой? Не вишь полулагунье? И напретъ въ Архангельское этой рвани, одинъ грѣхъ съ ней окаянный.

За то ужъ, проходя мимо татарскихъ лавокъ, вамъ еще издали раскланивается кафтанъ въ ермолкѣ:

— Что прикажите, баринъ, а господинъ, селедка? Есть, пожалуйте, кандалакшской селедка, не норвега и не бѣломорка; у той только фамилія, что селедка, одинъ титулъ „бѣломорская селедка“, а настоящей силы нѣтъ, какъ у кандалакшской...

Представьте почти всѣ колоніальные магазины въ десять

лѣтъ очутились въ рукахъ отпрысковъ, монгольской расы: Фазлулилины, Хамидулины, и К°, расписанные на вывѣскахъ разными цвѣтами, достойное украшеніе главной улицы Архангельска вплоть до Городской Думы, откуда далѣе по Троицкому тянутся версты на двѣ дома-особняки лѣсныхъ крезовъ: Ульсенъ, Штопъ, Шольцъ, десъ-Фонтейнесъ и др. Это—нѣмецкая слобода, лучшій уголокъ города: лѣсные тузы даже освѣщаютъ слободу за свой счетъ электричествомъ.

Надо замѣтить, что разжившійся на лѣсной торговлѣ иностранецъ тащитъ сюда своихъ земляковъ, замѣщая ими должности конторщиковъ даже сторожей, но въ противоположность обходительнымъ представителямъ монгольской расы европейскій сбродъ нѣмецкой слободы глупъ, заносчивъ, вызывая улыбку дураковатостью.

Какимъ образомъ сложился этотъ «блестящій» островокъ культуры на удобренной древесиной почвѣ?

Прежде всего мелкій «лѣсопромышленникъ», прибывшій въ Архангельскъ съ небольшой партіей бревенъ, буквально что называется пожирается съ костьми кучкой крупныхъ хищниковъ.

Напр., сосновое бревно 10 арш. длины и 6 вершковъ въ отрубѣ обходится крупному крезу свыше 3 р. 50 к., считая въ томъ числѣ около двухъ рублей казенной пошлины, вывозъ къ сплавной рѣчкѣ 80 коп., сплавъ и др. расходы. Но тѣ же крезы, сплотившись въ союзъ, душатъ мелюзгу, вынуждая нерѣдко продавать по 2 р. 50 к.—2 р. 20 к., и даже дешевле. Такъ что въ прошломъ году мелкіе лѣсопромышленники отправили прямо за границу партію лѣса 45 т. бревенъ кругляшами.

Лѣсная торговля вообще не процвѣтаетъ. За границей цѣны на древесину стоятъ почти тѣ же, что и двадцать лѣтъ назадъ тогда какъ здѣсь все вздорожало. Кое какъ сдѣлавъ заготовку бревенъ, лѣсопромышленникъ рѣдко бываетъ въ состояніи уплатить казенныя пошлины. Поэтому лѣса сплавляются въ Архангельскъ съ казенной охраной. Такъ въ этомъ году сплавлялись съ охраной лѣса: «Нордъ», «Экономія», «Аваргансена» и др. По прибытіи на мѣсто банки выдаютъ подъ бревна кредитъ и такимъ образомъ лѣсопромышленникъ получаетъ возможность передохнуть, но малѣйшая заминка въ сбытѣ за границей и онъ съ остатками досокъ летитъ въ трубу.

Недавно «прогорѣли»: Аваргансенъ, Экономія, Ганнеманъ и др., оставивъ по берегамъ рѣкъ Сѣверо-Двинской системы

Архангельская
областная научная
библиотека
им. Н.А. Добролюбова

1416669

тысячи людей и по нынѣ горько оплакивающихъ разбитыя надежды. Конкурсное Управленіе продало 60 т. бревенъ Ганнемана всего на все кажется, за 50 т. р., тогда какъ означенныя бревна стоятъ минимумъ тысячъ двѣсти.

Многіе „лѣсопромышленники“ уже давно пролетѣли бы вслѣдъ за Ганнеманомъ, но при содѣйствіи „Филей“ лѣснаго вѣдомства кое какъ тянутъ лямку бытія.

Недавнее дѣло о 132 порубкахъ въ вознесенскомъ лѣсничествѣ, по которому на скамью подсудимыхъ посажено 11 человѣкъ лѣсной охраны, краснорѣчиво говоритъ до чего дошелъ грабежъ лѣсныхъ богатствъ.

Крестьяне рубили лѣсъ открыто на глазахъ стражи, а дабы лучше слѣдить за работой „лѣсопромышленники“ проживали у объѣздчика. По слухамъ вырублено не менѣе 100 т. деревъ. Хищничество обнаружено на третій годъ (!) когда до свѣдѣнія мѣстнаго управленія государственными имуществами дошло о грандіозномъ правильно организованномъ грабежѣ. Секвестровали 25173 дерева. Къ слову замѣтить партія ничего себѣ. Если нѣтъ соглашенія съ лѣсной стражей, то срубленный лѣсъ спѣшно вывозится по ночамъ на дворы лѣсопромышленниковъ, „комли“ обрубаются и казенный лѣсъ идетъ за надѣльный. Дѣлается и такъ, что для полученія сплавного билета покупаются копіи приговоровъ о продажѣ крестьянскаго лѣса.

Просто и хорошо!

Между тѣмъ Управленіе Государственныхъ Имуществъ Вологодской губ., заявляетъ, что секвестрованныя въ Вознесенскомъ лѣсничествѣ 25173 бревна проданы да еще чуть-ли не съ барышкомъ...

Создался цѣлый классъ мелкихъ хищниковъ, оперирующихъ подъ видомъ „надѣльныхъ, крестьянскихъ лѣсовъ“ въ казенныхъ дачахъ, ибо крестьянскіе лѣса числятся лишь въ бумажныхъ залежахъ, нашихъ канцелярій. Эта орава питаетъ древесиной крупныхъ лѣсопромышленниковъ нѣмецкой слободы; на этой комбинаціи съ дозволенія начальства создаются состоянія, идетъ правильно организованное опустошеніе остатковъ лѣсныхъ богатствъ сѣвера.

Приговоръ сельскаго общества о продажѣ лѣса изъ „крестьянской дачи“ представляется начальству, а послѣднее выдаетъ „сплавное свидѣтельство“. Подъ названіемъ „еловыя

дрова на балансы" идетъ на бумагу лучшая древесина не ниже 3—4 вершк. Изъ казенныхъ дачъ Тотемскаго и Устюгскаго уѣздовъ продается ельникъ съ торговъ, при чемъ цѣны назначаются по I разряду 6 р., куб. саж., по II разр. 4 р., на торгахъ дѣлаются наддачи, достигающія до 10 р. за куб. саж. Тогда какъ Вальдгофъ и К°, покупая „крестьянскій" ельникъ уплачиваютъ 8—9 р., составляющіе лишь заработную плату за вывозку къ рѣчкѣ куб. сажени, а сама древесина идетъ даромъ. Сплавъ до Архангельска 3—4 р., окорка тоже рубля четыре, да морской фрахтъ Архангельскъ—Лондонъ около 20 р., итого 35—37 р. Цѣны на „еловыя дрова на балансы" поднимаются за границей до 60—70 рублей за куб. сажень. Изъ этого расчета видно, что на долю Вальдгофъ и К° кое что перепадаетъ; въ тоже время зарабатываетъ и мѣстное населеніе на вывозкѣ, распиловкѣ и окоркѣ ельника, на долю же дѣйствительнаго собственника лѣсныхъ богатствъ остаются сучья и вершина, да еще кора, залегающая толстыми слоями по гористымъ берегамъ Сухоны...

Разумѣется разъ есть возможность получить даровой ельникъ или за безцѣнокъ, то зачѣмъ Вальдгофамъ нѣмецкой слободы идти на торги, платить пошлины? Пока не выдавались ярлычки, хищничество носило мѣстный характеръ, не выходя изъ предѣловъ уѣзда, но „сплавное" открыло заморскій путь...

И то сказать стоитъ много разсуждать о какомъ-то ельникѣ, когда лѣсная площадь исчисляется въ десятки милліоновъ десятинъ!

Въ 1906 году по Двинѣ доставлено къ Архангельску сосновыхъ и еловыхъ бревенъ 2.390,994, еловыхъ дровъ на балансы 22746 куб. саж., шпалъ сосновыхъ изъ фаутнаго лѣса 245559 шт., а всего включая Печорскій и Мезенскій край, доставлено на лѣсопильные заводы Архангельской губ., болѣе 3 мил. бревенъ; вывезено за границу на 12800957 руб. Въ 1907 г. на 12130569 руб. Въ среднемъ ежегодный вывозъ составитъ около 3 мил. бревенъ. Съ 60 мил. десятинъ общей площади Вологодской и Архангельской губерній, занятыхъ лѣсами, это будетъ по одному дереву съ 20 десятинъ или одна десятина лѣса приноситъ годоваго дохода менѣе гривенника...

Вологодская губернія отпускаетъ съ каждой десятины 3 куб. фута древесины, Финляндія—19 и Норвегія—55 куб. фут.

Значитъ мы вывозимъ въ восемнадцать разъ менѣе Норвегіи и лѣса оголены, особенно въ бассейнѣ Сѣверной Двины. Не мѣшало бы пріостановить отпускъ до приведенія въ извѣстность лѣсныхъ богатствъ. Изъ 451 казенной дачи Архангельской губерніи устроено только 169, съ площадью въ 7108534 десятины.

Выходитъ наши хозяева не удосужились полюбопытствовать, что есть въ остальныхъ дачахъ? Еще пожалуй ноги „промочишь", бродя по лѣсамъ. Бѣда потомъ леченіе... Экспедиція, работавшая въ бассейнѣ Печоры, открыла цѣлые раймоны, гдѣ на десятинѣ имѣется лишь два-три десятка бревенъ. Кстати здѣсь орудуютъ Ульсенъ, Стампе и К° и надо сказать чувствуютъ себя, какъ дома... Несомнѣнно эти десятки бревенъ будутъ скоро вывезены, а подрастанія новыхъ поколѣній не дождаться и два столѣтія, потому что лѣсъ на Печорѣ растетъ тихо.

Знатоки края говорятъ, что если и впредь лѣсоистребленіе пойдетъ тѣмъ-же ходомъ, то черезъ 5—10 лѣтъ архангельскія лѣсопилки станутъ. Изъѣздивъ сѣверъ вдоль и поперекъ, я утверждаю, что лѣса опустошены на моей памяти основательно.

Еще сорокъ лѣтъ назадъ на огромнѣйшей площади, орошаемой рѣками бассейна Сѣверной Двины, стояли непочатые, дремучіе лѣса, представлявшіе капиталъ милліардной цѣнности.

Но вотъ открылась «эксплоатація». Въ началѣ лѣсъ браковали. Дерево, срубленное съ грибкомъ, оставалось гнить въ лѣсу. Такъ погибли милліоны прекрасной древесины. Лѣсныя предпріятія давали 40%—50% дивиденда. Нынѣ доходность ихъ пала, но при содѣйствіи «Филей» нѣкоторыя фирмы даже обогащаются.

И такъ въ теченіе четырехъ десятковъ лѣтъ «раціональнаго хозяйства» растаяло милліардное богатство, но обидно доболи, что и дохода не видали... все сглодали лѣсные короѣды...

Въ настоящее время выгоднѣе, чѣмъ угнетать цѣны на заграничныхъ рынкахъ усиленной доставкой туда древесины, пріостановить отпускъ лѣтъ на двадцать; но такая пріостановка во-первыхъ «упразднитъ» архангельскія лѣсопилки, а во-вторыхъ отниметъ заработокъ у массы населенія.

Нѣтъ ужъ лучше доведемъ «раціональное хозяйство» до конца! Въ десятокъ лѣтъ мы свалимъ за границу всю недо-

росль и по низшей цѣнѣ, а тамъ и пріобождемъ лѣтъ сотню...

Вторая крупная статья доходнаго бюджета населенія Архангельской губерніи—это рыбные промыслы.

Въ 1906 году рыболовствомъ занимались 31565 человѣкъ, которыми добыто рыбы и жира 726827 пудовъ на сумму 1481011 р. Сюда не вошло количество рыбы, потребляемой мѣстнымъ населеніемъ, но и приведенная цифра, взятая изъ оффиціальнаго отчета, краснорѣчиво говоритъ о доминирующемъ значеніи промысла въ жизни архангельскаго края, особенно если принять въ расчетъ незначительность числа жителей менѣе 400 тыс. душъ.

Рыбный промыселъ раздѣляется на прѣсноводный и морской (тресковый) на Мурманѣ.

Послѣдній составляетъ предметъ отхожаго промысла поморовъ Кемскаго и частью Онежскаго уѣздовъ. Участвуютъ на Мурманскомъ морскомъ промыслѣ и мѣстные обитатели Александровскаго уѣзда, но число ихъ незначительно. Такъ, въ 1906 г., было 126 судовъ съ 400 ловцами, тогда какъ всего на промыслѣ находилось 993 судна съ 3446 ловцами.

Какъ только откроется навигація, изъ Архангельска отправляются пароходы Мурманскаго товарищества и, забравъ поморовъ Бѣломорскаго побережья, слѣдуютъ на Мурманскій берегъ, гдѣ они въ теченіе лѣта ловятъ треску, пикшуя, палтуса. Въ половинѣ августа пароходы товарищества объѣзжаютъ становища на Мурманѣ, доставляя ловцовъ къ Маргаритинской ярмаркѣ въ Архангельскъ.

Спросъ на треску въ особенности сайду (пикшуй), съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Чтобы удовлетворить этотъ спросъ норвежцы ежегодно привозятъ въ Архангельскъ свыше милліона пудовъ трески. Въ 1905 г. ими привезено 2510343 пуд., на $2^1/_2$ милл. рублей, въ томъ числѣ сельдей около милліона пудовъ, въ 1906 г. 914539 пуд., въ 1907 г. 1365844 пуд.

Рыбы въ океанѣ сколько душѣ угодно... спросъ на нее тоже не слабнетъ; даже въ 1908 г. сайды не хватило; множество торговцевъ уѣхали изъ Архангельска, не купивъ ни фунта.

И такъ все есть, но нѣтъ «наживки», плевой рыбешки, мойвы и песчанки, на которую ловятся крупныя породы. Наши поморы до зарѣзу нуждаются въ песчанкѣ и мойвѣ, а стой-

бища послѣднихъ, словно на зло, передвинулись куда-то вглубь океана. Думали устроить поиски и поговю, но далеко ли умчишься на поморскихъ драндеутахъ? Скрѣпя сердце и махнули рукой...

Одно утѣшеніе. Изъ оффиціальнаго «Обзора Архангельской губерніи» видно, что въ 1900 г. мы всетаки добыли моржей штукъ девять... Это въ то время, какъ громадныя стада морского звѣря кишмя кишатъ близъ береговъ океана!

Необъятныя водныя пространства, представляющія промыслы цѣнности неизмѣримой, безбоязненно используютъ иностранцы, а чудовищные «траулеры» скребутъ дно океана, уничтожая флору и фауну воднаго царства. Подъ самымъ носомъ иностранцы черпаютъ богатства, а мы трусимъ за рыбой, выловленной въ нашихъ же водахъ, въ Норвегію.

Для охраны промысловъ у насъ есть единственный военный транспортъ «Баканъ», зимующій гдѣ-то въ Балтійскихъ портахъ, появляясь на сѣверѣ лишь въ Маѣ, когда охота на морского звѣря въ горлѣ Бѣлаго моря происходитъ во льдахъ весной въ Мартѣ и даже Февралѣ мѣсяцахъ, т. е. въ то время, какъ иностранцы, нагрузивъ полные трюмы звѣря, давнымъ давно умчались по домамъ.

Какъ выше объяснено у самаго Мурманскаго берега на всемъ его пятисотверстномъ пространствѣ снуютъ поморскія суденышки. Ежегодно бываютъ на Мурманѣ около тысячи судовъ съ тремя-четырьмя ловцами на каждомъ суднѣ. А средній уловъ 340 р. на судно, что составитъ на ловца отъ 85 до 113 р. въ кампанію, продолжающуюся четыре мѣсяца или по 21—28 р. въ мѣсяцъ на человѣка.

Уже нѣсколько лѣтъ Канинская банка посѣщается англійскими и германскими траулерами, при чемъ промышленники получаютъ за одинъ рейсъ, продолжающійся мѣсяцъ, валоваго дохода отъ 15000 до 20000 марокъ. Если половину исключить на расходы по содержанію судна, то на 10—12 человѣкъ его состава приходится отъ 625 до 1000 марокъ въ мѣсяцъ на каждаго! А наши поморы въ лучшіе лѣтніе дни маячатъ у Мурманскаго берега, получая отъ 21 до 28 р. въ мѣсяцъ!

Архангельское начальство въ заботахъ о поднятіи промысла, проектировало рядъ мѣръ, какъ-то: соединеніе Мурмана съ Архангельскомъ стальнымъ путемъ, колонизація пу-

стынной окраины, поощреніе поморовъ ссудами на постройку судовъ улучшеннаго типа; но въ теченіе пяти лѣтъ удалось переселить на Мурманъ сотни двѣ финновъ, кареловъ и др. инородцевъ нашего сѣвера, а потомъ колонизаціонные порывы остыли... Съ выдачей ссудъ на постройку судовъ дѣло шло еще интереснѣе. Узнали увальни—поморы, что начальство «хочетъ ихъ поднять», партіями повалили за ссудами, но усовершенствованій никакихъ и по сіе время нѣтъ.

— Грѣха съ поощреніемъ было куча,—говорилъ мнѣ чиновникъ г. Уткинъ.—Существовалъ геніальный замыселъ создать кооперативное движеніе... стали выдавать ссуды товариществамъ, взваливая обязательства возврата на всѣхъ его членовъ, но многіе категорически отказались отъ ссуды на этихъ условіяхъ, а взявшіе—пропили...

Поглядѣли, обсудили плоды творчества и всѣ единогласно рѣшили, что поднять многомилліонную промышленность наличными силами невозможно; стали составлять новые штаты и усилять старые...

Тутъ какъ на бѣду въ высшихъ сферахъ возгорѣлась идея основанія города Александровска на Мурманѣ. Всѣ стали расписывать радужные перспективы, улыбавшіяся счастливой окраинѣ. Какъ въ сказкѣ выросъ городокъ. Съ той поры кануло въ вѣчность болѣе десятилѣтія, а на пустынномъ Мурманѣ не только не разгорѣлись промышленныя перспективы, но гаснутъ старыя. Если бы, не сосѣдство культурной Норвегіи, поставляющей ромъ и др. средства развлеченія, не красно было бы александровской администраціи.

Въ блестящую эпоху управленія губерніей Энгельгардтомъ, казалось, наконецъ-то архангельская бюрократія сдѣлала рѣшительныя потуги сдвинуть промыселъ съ мертвой точки застоя на путь прогресса. Вспомнили о поморахъ, о мойвѣ и песчанкѣ. Учредили «Комитетъ» и должность «завѣдующаго рыбными морскими и звѣриными промыслами». Къ сожалѣнію хроническое безденежье пріостановило дальнѣйшія въ этой области начинанія.

Просмотримъ бѣгло десятилѣтнюю дѣятельность весьма полезныхъ учрежденій.

Прежде всего «Комитетъ» снарядилъ «научно-промысловую экспедицію» на поиски мойвы и песчанки, переселившейся, куда-то въ глубь океана. Въ 1902 г. вышелъ огром-

ный томъ трудовъ экспедиціи, изданный Комитетомъ оказанія помощи поморамъ, съ 88 планами и картами, составленными начальникомъ экспедиціи Брейтфусомъ, гдѣ вы, какъ на ладони, видите всю жизнь воднаго царства; попутно экспедиція открыла, что у береговъ Мурмана изобилуетъ сельдь и камбала лучшая, чѣмъ водится въ Нѣмецкомъ морѣ, но мойва и песчанка какъ-то ускользнула отъ научнаго освѣщенія... И то сказать, гдѣ ее тамъ откроешь...

Да, не обездоленъ Создателемъ Архангельскій край! Въ низовьяхъ Печоры въ предѣлахъ Пустозерской волости вылавливается ежегодно одной семги около 10 тыс. пуд., а всего въ губерніи средній годовой уловъ 50 т. пуд. И представьте исконные рыбаки не выучились дѣлать засолъ семги, сваливая ее свѣжей скупщикамъ, не выждавъ болѣе высокихъ цѣнъ.

Въ послѣдніе годы мы ввозимъ изъ-за границы рыбы, главнымъ образомъ сельдь, на 20—25 мил. руб. Между тѣмъ, на Мурманѣ водится прекрасная сельдь, не говоря уже о Бѣломъ морѣ, гдѣ ее изобиліе. Однако ловятъ сельдь только при подходѣ къ берегу, не примѣняя никакихъ орудій промысла вдали отъ береговъ, напр., плавныхъ сѣтей. Солится сельдь плохо и, конечно, имѣетъ ограниченный сбытъ.

Завѣдующій промыслами не поддался ослабляющему силы пессимизму, который навѣвало безнадежное положеніе дѣла, а рѣшительно высказался за необходимость сейчасъ же «открыть рыбацкую школу» (Отчетъ 1902 г. Н. А. Варпаховскій, рыбный промыселъ Арханг. губерніи въ 1899 г.).

Съ открытіемъ школы произошла задержка, а лѣтъ пять спустя онъ открылъ Народный Университетъ. На торжествѣ открытія прогремѣли рѣчи о незабвенныхъ заслугахъ. Къ концу года университетъ прекратилъ просвѣтительныя функціи... Теперь ни рыбацкой школы, ни университета...

Въ помянутомъ отчетѣ ученый завѣдующій, указывая на примѣръ Норвегіи, гдѣ ранѣе рыболовство стояло „даже болѣе низко, чѣмъ на Мурманѣ“, утверждалъ, что и на нашемъ сѣверѣ оно можетъ развиться и быть источникомъ благосостоянія.

Для этого,—продолжалъ онъ,—надо изслѣдовать наши воды, промысловыхъ рыбъ, какъ и морскихъ звѣрей и ихъ жизнь и основать промыселъ на научныхъ данныхъ“.

И вотъ, пока „комитетъ“ и „завѣдующій содѣйствовали прогрессу и съ каѳедры и другими путями, зловѣщая треска въ десятилѣтіе горячей работы стала ловиться на половину меньше (съ 525 т. пуд., въ 1901 г. уловъ падаетъ къ 1908—1909 гг. до 200 т. пуд.).

Годъ назадъ, въ Архангельскѣ образовалось „Общество изученія Русскаго Сѣвера“. Нынѣ новое учрежденіе будто бы вожделѣетъ принять на себя функціи «Комитета»...

Правда, минувшая осень не пропала даромъ. Выше объяснено, что въ сорокъ лѣтъ мы оголили лѣса на сѣверѣ и дохода не видали... Новое общество страстно желаетъ поднять доходность. Намѣреніе очень хорошее. Какой-то Вольтманъ состряпалъ съ этой цѣлью проектъ желѣзной дороги верстъ на шестьсотъ. Для обсужденія вытребовали спеціалистовъ изъ Вологды.

При существованіи системы водныхъ путей, какъ сѣверодвинская, строить желѣзныя дороги для эксплоатаціи лѣса (другихъ грузовъ пока не заселенъ сѣверъ не можетъ быть) немножко странно, тѣмъ болѣе, что потребуется не одна, а нѣсколько параллельныхъ линій, но въ порывѣ увлеченія, что не бываетъ?

Могущественный импульсъ къ пробужденію инертной воли далъ вологодскій губернаторъ А. Н. Хвостовъ. Во всѣхъ медвѣжьихъ трущобахъ: Вологдѣ, Перми, Усть-Сысолѣ, Яренскѣ, Архангельскѣ все воодушевилось идеями оживленія сѣвера, какъ будто спячки и не бывало отродясь...

Съ цѣлью соединенія бассейна Ухты-Печоры съ Вымью, инженеръ Поповъ изслѣдовалъ Шомъ-Вукву, Говнюгу, разумѣется безъ практическихъ послѣдствій, а въ 1909 г. инженеръ Мочульскій изслѣдовалъ Сосву-Илычъ, притоки Оби и Печоры, для устройства дешеваго вывознаго пути, произведеній Сибири въ Европу.

Предполагается «регулировать» Сосву-Илычъ, Егра-Ляга, несущіяся бурнымъ потокомъ по уклонамъ уральскихъ горъ, долбить уральскій камень, т. е. сдѣлать каналъ—туннель на 150 вер. Далѣе для соединенія Мылвы бассейна Печоры съ Мылвой-Вычегодской бассейна Сѣверной Двины, потребуется то же рыть каналъ. Работа колоссальная, которая врядъ ли намъ по силамъ. Инженеръ Мочульскій опредѣляетъ стоимость Обь-Печорскаго канала въ 40 милл. р., но, вѣроятно, цифра эта подвысится въ два-три раза.

Вологодское, даже Яренское и Усть-Сысольское земства постановили ходатайствовать о проведеніи Обь-Печорскаго канала, полетѣли телеграммы, а въ послѣдніе дни заговорило устами художника Борисова и «Новое Время».

Мы, сѣверяне, привыкли съ удовольствіемъ отмѣчать, что разъ открыло уста „Нов. Вр.“, значитъ вопросъ поставленъ на „дѣловую почву“... Такъ было при постройкѣ Пермь-Котласской дороги, такъ при открытіи промышленныхъ перспективъ на Мурманѣ.

Художникъ С. исчисляетъ движеніе грузовъ въ 700—800 м. пуд., этому именно движенію, соотвѣтствуетъ провозоспособность канала. Обложите пудъ груза двумя-тремя копейками и не успѣете оглянуться, какъ затраты на каналъ окуплены... Кромѣ того получитъ дешевый выродъ „елка“, цѣны на которую растутъ за границей неимовѣрно.

Одно только, откуда взять 700—800 мил., когда нынѣ Сибирь вывозитъ 20—30 мил. пуд.? О елкѣ и говорить не стоитъ, да къ тому же ее не дурно плавить по Вычегдѣ...

Категорически отвергнувъ путь Карскимъ моремъ, художникъ, очевидно, не знаетъ забытый кратчайшій путь черезъ полуостровъ Яммалъ, гдѣ притоки Оби и Печоры сходятся. Триста лѣтъ назадъ, предки Борисова, двиняне, пользовались этимъ путемъ, заѣзжая на шитыхъ мхами шнякахъ въ самоѣдскій городокъ Мангазею. Здѣсь не надо канала, не надо долбить камень, а достаточно регулировать съ устройствомъ порта въ устье Печоры, что настоятельно необходимо.

Вотъ кратчайшій и выгоднѣйшій для Сибири вывозной путь, а не колесить на далекій Архангельскъ.

Этотъ путь и надо изслѣдовать основательно. Въ противномъ случаѣ и Обь-Печорскій каналъ, созданный „дѣловыми людьми“ постигнетъ та же участь, т. е. сама жизнь отмѣнитъ.

Зырянскій край.

Въ Архангельскѣ я перешелъ на пароходъ «Нева» Сѣверо-Двинскаго Общества, куда вслѣдъ за мной явился человѣкъ съ голубымъ кантомъ на тужуркѣ и крупнымъ брюшкомъ на вылетъ. За грузной фигурой трусилъ таможенный или путейскій чинъ съ портфелью подъ мышкой, часто се-

меня ножками. Лишь только тужурка хмурилась, бросая взоръ на водное пространство, то трусившій вылеталъ впередъ, пріостанавливаясь глупо моргалъ, какъ бы угадывая предметъ, заинтересовавшій начальство.

Время было тревожное: въ Петербургѣ холерный термометръ, опускавшійся почти къ нулю, снова взлетѣлъ до 70—80 заболѣваній въ сутки, да и въ Архангельскѣ заболѣваній было до десятка въ день.

Волей неволей надо было поразмяться, тѣмъ болѣе, что на пароходахъ «Сѣверо-Двинскаго Общества» все какъ было полвѣка назадъ такъ и осталось. Василій Костровъ, владѣлецъ пароходства передалъ сыну своему Миколѣ, а послѣдній недавно продалъ всѣ пароходы Миллеру, гражданину свободной Америки, который и основалъ «Сѣверо-Двинское Общество», но блескъ костровской культуры сохранился и по сіе время.

Тучный человѣкъ погрузился въ трюмъ, гдѣ не мало испортилъ крови, горячась надъ какой-то вонючей селедкой. По окончаніи осмотра тужурка прошагала въ I классъ куда и потребовала «жалобную книгу».

Капитанъ Бакалашкинъ мелькнулъ въ свою каюту, проскрипѣвъ зубами на Ваньку, который какъ на бѣду высунулъ засаленную голову изъ-подъ пола, гдѣ находится машинное отдѣленіе.

— Я-те еще веснусь, говорилъ пообчистись, фараонъ стоеголовый!—сверкнулъ глазами Бакалашкинъ...

— А я виноватъ только въ томъ, что пожалѣлъ ножа,— скорчилъ глупую гримасу Ванька, — потому, чтобы отскоблить надо было испазгать ножъ до черенка!

Тотчасъ же послѣ грозы, навѣянной посѣщеніемъ начальства, лица команды просіяли, и съ Божіей помощью жизнь вошла въ прежнее русло.

Палуба парохода сплошь запружена живыми тѣлами, даже на зонтѣ люди лежали въ повалку другъ на дружкѣ, наслаждаясь чудной погодой.

Узкіе проходы между пассажирами время отъ времени подметаютъ матросы, скользя половой щеткой больше по бродамъ и головамъ пассажировъ, при чемъ послѣдніе приподнимаются почувствовавъ прикосновеніе нѣжнаго инструмента.

Ѣдутъ по домамъ рабочіе съ плотовъ, но больше соловецкіе паломники, собравшись группами, ведутъ бесѣды.

— Мы вячкіе,—говоритъ красивый мужичекъ въ коричневомъ армякѣ.—На паровозѣ съ Ѳомкиной ѣхали, взели два семьгривенъ по четвертому классу. На Микитской зырянье нахлынули,—ну и намъ телечьи вагоны подали, окошечки махонькія на верху, потому тель все едино безъ понятія ѣдетъ...

— Мы Володимірскіе, отозвался голосъ странницы. Хожу по бѣлу свѣту сорокъ лѣтъ и семъ дёнъ...

— И чудесъ поди сподобилась, спросилъ армякъ.

— Какъ, батюшка, нѣтъ всево видѣла,—тяжело вздохнула странница.

— Кому какъ,—вмѣшался въ разговоръ «скопской» полушубокъ, другому и не дадено видѣть: ходи по землѣ вертячей, а чудесъ эфтихъ ни, ни. Возьмемъ и кладъ. Одному открыто все: идетъ и беретъ, а ты хлопай глазами сколь-те дозволено.

— Все лукавый,—отозвалась странница, другому такой туманъ подпуститъ, что въ черепкѣ у ево бродитъ, какъ опара на свѣжихъ дрожжахъ...—Иду я въ Соловецкой обители по стѣнамъ горы, на нихъ скиты, гдѣ схимники и угодники, а внизу дьяволенки съ рожками вражью сѣть наводятъ, всяческіе выкуртасы выдѣлываютъ, сманивая на грѣховные помыслы. Поглядѣла, дѣлаю поклонъ, а мимо мастеровой труситъ.

— Мать, а мать ты это кому? хихикнулъ онъ.

— Тамъ разберутъ... сказала я, подняла голову гляжу вокругъ меня нѣтъ никово: мастеровой, какъ въ землю скрозь прошелъ.

Въ Котласѣ я оставилъ богомольцевъ, перебравшись на другой пароходъ, слѣдовавшій по Вычегдѣ до Усть-Кулома. Трюмъ парохода закатали пивными бочками нѣмца Зибельдта; въ свободныя между ними щели забились рабочіе зыряне, возвращающіеся съ отхожихъ промысловъ, какъ на палубѣ и зонтѣ парохода сплошь зырянскія тѣла.

Унылъ и скученъ Вычегодскій пейзажъ. Не богата красками сѣверная природа, но и здѣсь встрѣчаются уголки, ласкающіе утомленный однообразіемъ картины взоръ наблюдателя.

Третій часъ ночи. Изъ-за туманной пелены, падающей на прибережные лѣса, встаютъ контуры церквей. Это городъ Сольвычегодскъ, 22 версты выше Котласа. Нѣкогда здѣсь процвѣтало соляное дѣло, но теперь десятка полтора старинныхъ церквей говорятъ о быломъ величіи.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ пристани горятъ огни освѣщая сонныя лица. Рѣзко проносится пароходный свистокъ. Лохматыя, сѣрыя тѣни вскакиваютъ, направляясь къ пристани, прося капитана доставить до дому безплатно...

Это рабочіе—зыряне прибывшіе на плотахъ еврея Ульянскаго. Изъ выгоды плохо связанные плоты разорвало бурей, разбросало въ Вычегодскомъ просторѣ. Плутоватый Ульянскій сдалъ сплавъ подрядчику просужихъ, но тотъ бѣжалъ, не расчитавъ рабочихъ. Приказчики Ульянскаго, собравъ пароходами бревна, умчались въ Архангельскъ, а зыряне ждутъ на берегу Вычегды милость неба, ждутъ недѣлю—двѣ...

Собрали по гривеннику съ рыла, вручили «писателю», который настрочилъ «душу раздирающее» прошеніе. Дали дѣлу законное движеніе. Посылали телеграммы. Начальство успокоило, что «дѣло» выйдетъ, подождите...

Въ безконечной дали, словно плавая въ морѣ тумана, выглядываютъ остроконечныя ели, оттѣняя горизонтъ; далеко остался Сольвычегодскъ, еще мелькаютъ огоньки на берегу, гдѣ терпѣливо ждутъ зыряне милость неба, а впереди необъятный просторъ, дремучее царство, прорѣзываемое рѣкой Вычегдой, орошающей съ своими притоками огромную площадь около 20 мил. десятинъ. Сплошь лѣса и лѣса. Тридцать тысячъ дворовъ затерялись незамѣтными островками въ безбрежномъ хвойномъ океанѣ.

Тишь, гладь, да Божья благодать. Эта именно атмосфера оставила и въ зырянской душѣ отпечатокъ апатіи и неподвижности. Нужны сильные мотивы, чтобы растормошить зырянскую волю.

Случается, что милость неба падаетъ съ облаковъ прямо на зырянскую голову. Недавно Усть-Сысольскій купецъ Оплеснинъ купилъ 1,000 десятинъ лѣса, домъ, мельницу, всего за 1,200 руб. Подвернулся еврей Ульянскій, предложившій купить дачу на срубъ за 40 тыс. руб., съ правомъ вывоза въ теченіе 12 лѣтъ. Въ первый годъ еврей вывезъ 30 тыс. бревенъ, стоимостью, считая только казенную пошлину, на 60 т. руб. Если и въ остальные годы Ульянскій сплавитъ то же по 30 тыс., то цѣнность дачи выразится тысячъ въ семьсотъ!

Не трудно было по пальцамъ высчитать, но увалень Оплеснинъ какъ-то не раскачался. Говорили, что онъ и то съ

радости пролежалъ три дня «безъ языка». Если бы не обильныя возліянія казенки, кто знаетъ, вернулась ли способность рѣчи.

Въ атмосферѣ, освященной Божьей благодатью, слагались изумительно яркія личности. Напр., нѣкто А. Булычевъ, прошедшій въ юности соловецкую школу труда. Возвратившись въ міръ онъ нажилъ милліонное пароходство, купилъ у покойной Бѣломорской компаніи Сереговскій солеваренный заводъ, лѣсную дачу въ 10 тыс. десятинъ, всего за 60 т. р. Часть дачи А. Булычевъ завѣщалъ основанной имъ трудовой общинѣ (Крестовоздвиженскій монастырь). Живя здѣсь, милліонеръ Булычевъ, вставалъ въ четыре часа утра, будилъ рабочихъ, корчевалъ пни, раздѣлывалъ поля, строилъ мастерскія. На склонѣ дней онъ удаляется въ Соловецкую обитель, гдѣ послѣ смерти, въ кельи монаха Булычева нашли старый колпакъ и двѣ пары бѣлья.

Казалось, на этихъ именно началахъ опрощенія и труда и долженъ былъ сложиться соціальный строй жизни, чаруя дѣвственной прелестью и красотой.

Но увы, старое міровоззрѣніе исчезаетъ, какъ снѣгъ подъ лучами солнца разума. Сами ученые наставники-профессора утверждаютъ, что они не признаютъ догматовъ вѣры, а лишь соціальныя основы ученія Христа, не отказываясь въ то же время отъ десятитысячныхъ окладовъ... Такъ оно и удобнѣе укрѣплять великія начала... Какой-нибудь инженеръ, зазубрившій благодаря прочности лба за счетъ народный не хитрыя формулы, оцѣниваетъ свой трудъ въ сотни тысячъ и смотритъ на народъ, какъ на рабочій скотъ. Изнѣженная, всхоленная на крови народной, ни къ какому труду не способная, гнилая интеллигенція, усвоивъ въ совершенствѣ блескъ и роскошь западной культуры, разжигаетъ и въ массѣ низменныя похоти. Испаряется Божья благодать и жизнь не согрѣтая теплымъ чувствомъ любви, не благоустроенная въ главныхъ основахъ труда, мечется въ пространствѣ, клокочетъ завистью, злобой, крушитъ основы, укрѣпленныя преданіями вѣры.

Сѣрое стадо, размѣстившееся подъ голубымъ куполомъ неба на крышѣ парохода, зашевелилось подъ вліяніемъ утренней свѣжести. Нѣкоторыя души потянулись къ низу, карабкаясь черезъ пивныя бочки нѣмца Зибельдта въ душный

трюмъ, откуда доносилось жужжаніе, порой вырывались дикіе выкрики.

Это подгулявшіе зыряне возвращаются домой съ фабрикъ и заводовъ. Красные глаза сверкаютъ вызывающе. Поминутно люди вцѣпляются за бороды. Лохматый, грязный субъектъ грызетъ сырую треску, сверкая глазами на растрепанную женщину, которая вырываетъ треску, нанося ею удары въ лицо зырянина. Подгулявшая представительница нѣжнаго пола, злобно шипитъ такой руганью, что изъ-за бочекъ поднимаются степенные вилягодцы и взглянувъ на сцену, снова погружаются, сгорая краской стыда, которой вспыхивали непривычныя къ этой «культурѣ» вилягодскія лица.

Въ другомъ углу расположились то же рабочіе зыряне, ежегодно осенью перекочевывающіе на горные заводы Урала, гдѣ они заготовляютъ зимой дрова, возвращаясь весной домой къ полевымъ работамъ.

Занимаясь распиловкой дровъ въ лѣсныхъ дебряхъ Урала, очевидно эти еще не успѣли «окультириться». Парни, усѣвшись дѣвушкамъ на колѣни, амурничаютъ, а мужики лѣниво жуютъ краюхи хлѣба.

Впрочемъ «прогрессъ» нравственный идетъ съ такой головокружительной быстротой, что нельзя предсказать, что будетъ далѣе. Еще недавно считалось смертнымъ грѣхомъ съ намѣреніемъ «взять и не отдать».

На этомъ принципѣ, покоились, какъ на незыблемой основѣ всѣ хозяйственно-экономическія отношенія жизни.

Богословскіе, Вишерскіе и др. горные заводы, выдавали задатки подъ зимніе заработки лѣтомъ около Петрова дня и случаи обмана заранѣе обдуманнаго—явленіе небывалое. Но теперь зыряне такъ «напрактиковались», что стремятся заполучить по два-три задатка отъ разныхъ заводовъ, да еще прихватятъ въ лавкахъ въ счетъ заработка, а пришла зима не тронутся съ печки...

— Пускай попы-те поютъ, а я не вѣрю,—усѣвшись на вѣялкѣ, философствуетъ зырянинъ—Бога то вѣдь нѣту.

— Страшно крупная перемѣна во всѣхъ понятіяхъ народа, замѣчаетъ человѣкъ съ кокардой, бросая мимоходомъ взглядъ на философствующаго зырянина.

— Да, отвѣчаетъ собесѣдникъ, пробуждается какая-то непріязнь къ интеллигенціи.

— Представьте раньше, если куда нибудь ѣхалъ человѣкъ въ формѣ, то зыряне-ямщики не только не просили платы, но подчасъ готовы сами разбить лобъ, чтобы услужить, а теперь... кокарда описала безнадежный жестъ рукой и даже слегка приподняла ногу. Однажды вызываю въ волостное Сидора Бѣлкина.

— Не идетъ,—сказалъ посыльный «ворчитъ на печи, задравъ ноги кверху. Пусть, говоритъ, отпишутъ по какой статьѣ нужонъ Сидоръ Бѣлкинъ, то не тронусь...

Отъ Котласа до Коквицкой горы на 250 верстъ правый берегъ Вычегды почти сплошь покрытъ лѣсной чащей. Впрочемъ схоронились гдѣ-то въ низинахъ два села: Ошлапье и Выемково, да взгромоздилось на неуклюжихъ горбыляхъ село Цилиба.

Вотъ все живое на полосѣ 250 верстъ и 50 вер. въ поперечникѣ. Казалось бы въ этихъ пространствахъ могъ размѣститься не одинъ уѣздъ; въ тѣни вѣковыхъ рощъ, насыщенныхъ здоровой смолистой прохладой, какая могла бы сложиться цвѣтущая жизнь?

На лѣвомъ берегу Вычегды, черезъ каждыя пятнадцать-двадцать верстъ встрѣчаются деревушки; еще издали встаютъ изъ-за лѣсовъ огромные дома въ двѣ избы и горница, импонируя достаткомъ, но на самомъ дѣлѣ люди пробиваются впроголодь, все тѣ же полоски полей, что и полвѣка назадъ, зеленѣютъ около села: избытки населенія бѣгутъ искать счастье на сторонѣ, на отхожіе промыслы въ Петербургъ, Москву, а оставшіеся еще кое какъ спасаются, снимая съ плохо вспаханныхъ и неудобренныхъ полей урожаи самъ три-четыре.

Что-же вы не просите свободныя земли подъ-поля, полосы, спрашивалъ я вычегодцевъ.

— Э-эхъ господинъ,—отвѣчали мнѣ. Не про насъ эти земли! Просили начальство о надѣленіи, но безполезно. Ходилъ тутъ по Вычегдѣ знахарь. Такъ вотъ онъ говорилъ:— подавайте готъ вы хоша выше пресвѣтлой Сенаты, а ничего не выйдетъ потому зарокъ на эфти самыя земли наложенъ на пятьсотъ лѣтъ и сорокъ дёнъ... «Кладовъ де этихъ тамотки зарыто—упаси Боже»... Ну мы всѣ значить и махнули рукой: больше ужъ ни-ни выходитъ не безпокоимся...

Дѣйствительно пробовали мужики и довольно настойчиво просили, но на всѣ просьбы мѣстныхъ крестьянъ получался одинъ и тотъ-же отказъ.

Недавно зашли ко мнѣ крестьяне Сереговской волости, Яренскаго уѣзда, П. и Н. Нѣмчиновы, которые объяснили, что они, облюбовавъ участокъ земли около 40 десятинъ, подали въ Управленіе Государственныхъ Имуществъ Вологодской губ. прошеніе объ отводѣ или продажѣ имъ названной земли подъ пашню и покосы. Надо сказать, что на участкѣ растетъ дровяной лѣсъ осина, пихта и береза.

Управленіе увѣдомило отъ 30-го Октября 1908 г. № 24919, «что ходатайство ихъ о продажѣ участка изъ Шеномской дачи не можетъ быть удовлетворено по лѣсохозяйственнымъ и лѣсоохранительнымъ соображеніямъ, такъ какъ просимый участокъ предназначенъ къ обслуживанію мѣстныхъ крестьянъ и Сереговскаго солевареннаго завода дровянымъ лѣсомъ».

Какія заботы о солевареніи! Слѣдуетъ замѣтить, что Сереговскій заводъ пользуется сухостоемъ, сплавляя за сто верстъ и далѣе, а крестьяне сереговскіе имѣютъ свою дачу.

Другой проситель безземельный Мошкинъ. На его просьбу объ отводѣ пріѣхалъ лѣсной чинъ для осмотра участка, насчитавъ десятка на два рублей пихты и елей.—Ну, думалъ М., заплачу. Но дѣло кануло въ вѣчность... Зарядилъ еще просьбу. Новый осмотръ. На этотъ разъ лѣсная тля насчитала елокъ на большую сумму, такъ что М. отказался. Но на несчастнаго взысканіе гербоваго сбора, а то корову за рога..—Пожалуйте за безпокойство!

Такъ реагируетъ на вопли нужды и народнаго горя деревянное, бездушное чиновничество. Этой слѣпой политикой «лѣсоохранительнаго вѣдомства» объясняется вопіющій фактъ, что зыряне Пезмогской, Небдинской, Подъельской, Коткерескої волостей Усть-сысольскаго уѣзда, имѣя дома, подъ бокомъ, милліоны десятинъ золотоносной земли, ежегодно съ наступленіемъ осени трусятъ за тысячи верстъ на горные заводы Урала, гдѣ, чтобы прокормиться ржаной мукой, бродятъ круглую зиму по горло въ снѣгахъ и весеннихъ водахъ, наживая ревматизмы. Между тѣмъ просвѣщенное начальство строитъ переселенческіе планы, намѣревается въ скоромъ времени двинуть въ Усть-сысольскій край безземельную бѣдноту другихъ губерній, а мѣстнымъ зырянамъ улыбается радужная перспектива, сдѣлаться вѣчными безземельными батраками Богословскихъ заводовъ.

Въ 1908 и 1909 гг. въ Усть-сысольскомъ уѣздѣ рабо-

тала экспедиція, состоящая изъ ученыхъ агрономовъ, почвовѣдовъ и др., которая нашла въ трехъ лѣсничествахъ: Вычегодскомъ, Сысольскомъ и Усть-сысольскомъ около 700 т. дес. удобной подъ пашню и покосы земли изъ общей площади этихъ лѣсничествъ въ $2^1/_2$ мил. дес. Очевидно имѣется въ виду направить сюда переселеніе изъ другихъ губерній, но справедливость требуетъ сказать, что такое переселеніе можетъ быть лишь по устройствѣ земельнаго быта мѣстныхъ зырянъ, страдающихъ отъ малоземелья...

И вотъ «по лѣсоохранительнымъ и лѣсохозяйственнымъ соображеніямъ», которыя къ слову сказать ни на іоту не предохранили и не спасли лѣса на сѣверѣ отъ сплошнаго истребленія, сложилось глубоко прискорбное движеніе «малоземельныхъ» крестьянъ изъ края, гдѣ милліоны десятинъ свободной плодороднѣйшей земли. Изъ года въ годъ около десяти тысячъ душъ перекочевываютъ на зиму, возвращаясь весной къ полевымъ работамъ съ 20—30 рублями въ карманѣ, уцѣлѣвшими отъ мучительно труднаго заработка двухъ третей года.

Что бы использовать рабочую силу на мѣстѣ, влагая каждое движеніе мускула въ благодарную, щедро вознаграждающую трудъ дѣвственную почву, огромная сила распыляется въ пространствѣ на утомительныя перекочевки и въ результатѣ вмѣсто сытаго, довольнаго крестьянства, прочно прикрѣпленнаго къ землѣ всѣми фибрами души, какъ столѣтній лѣсъ цвѣтетъ не стараясь, происходитъ вѣчное «вращеніе» полуголодной, необезпеченной толпы, которая, заражаясь прелестями свободной летучей жизни мечтаетъ взять побольше „задатковъ“, да нельзя ли прихватить на предбудущій годъ.

Вмѣсто того, чтобы работать надъ улучшеніемъ условій, обезпечивающихъ процвѣтаніе земледѣльческой культуры, какъ главной пружины, движущей прогрессъ матеріальный и духовный, создается нелѣпое положеніе, при которомъ человѣкъ насильно ограниченный въ расширеніи клочка земли, обусловливаемомъ потребностями семьи, искусственно отрывается отъ родной почвы, что наполовину обрубленные корни лишаютъ дерево возможности нормальнаго питанія: оно не сохнетъ и не цвѣтетъ, да и прелестей въ немъ дѣвственнаго лѣса нѣтъ.

На этомъ удручающемъ фонѣ нужды выдѣляется относи-

тельной зажиточностью Ленская волость, гдѣ обширные поемные луга, зеленѣя разстилаются на много десятковъ квадратныхъ верстъ. Изъ привычегодскихъ низинъ живописно выступаетъ Иртинская гора, за которой опять поемные луга много озеръ и топей, гдѣ скрывается въ чащѣ ельника городъ Яренскъ.

Въ окрестностяхъ Яренска давно извѣстны серебряныя и желѣзныя руды. Пріѣзжали инженеры наставили вѣхи и уѣхали.

Какая казалось бы должна сложиться здѣсь цвѣтущая жизнь? Удобренная наноснымъ иломъ дѣвственная почва какое могла бы вскормить сильное физически и духовное племя богатырей.

Между тѣмъ уже около столѣтія яренское человѣчество не убываетъ и не множится, словно, потерявъ способность приплода, остановилось на заколдованной точкѣ...

Девятьсотъ яренскихъ душъ буквально таютъ передъ внушительной полицейской стражей, усиленной особенно послѣ того, какъ начальнику охраны, показалась вымазанная сажей тѣнь соціалъ-революціонера, высунувшись изъ трубы съ красной тряпкой такъ что пришлось ослабить мѣстную охрану. Палевицкій урядникъ завѣдуетъ участкомъ въ 6,000 душъ; нынѣ участокъ раздѣленъ на два, но вновь назначенный урядникъ состоитъ въ Яренской охранѣ. А ужъ объ отпускѣ лучше и не заикайся. Правда послѣ того, какъ начальство стало поощрять денежными пособіями всякое усердіе по части умноженія яренскаго человѣчества, придураковатые „товарищи“ нѣсколько пріостепенились, взявшись за умъ.

Особенно отрадно отмѣтить плоды дѣятельности яренскаго земства.

Рядомъ съ Яренскомъ—въ Усть-сысольскомъ уѣздѣ есть „Межадорскія“ сѣмена—ячмень, отличающіяся драгоцѣннѣйшими качествами „скороспѣлостью и выносливостью“. Любой мужикъ скажетъ, что межадорскія сѣмена вызрѣваютъ двумя недѣлями ранѣе, легко вынося неблагопріятныя климатическія вліянія, какъ утренники. О нихъ знаютъ даже ученые Америки, придавая огромнѣйшее значеніе.

И вотъ, какъ только вскрылась навигація, яренское земство завезло сѣмена откуда-то изъ другихъ губерній... Поздно засѣянныя плохими сѣменами поля, разумѣется, едва возвра-

тили сѣмена. Надо было ранней осенью въ началѣ сентября запастись хлѣбомъ, доставивъ воднымъ путемъ, но тутъ, какъ на грѣхъ, подвернулась неожиданная работа, полетѣли телеграммы о проведеніи Обь-Печерскаго канала...

На очередномъ земскомъ собраніи единогласно постановили увеличить окладъ жалованья предсѣдателю на полтысячи рублей, членамъ по 200 и 3 руб. суточныхъ...

Не мѣшаетъ и о себѣ подумать... Другіе получаютъ, а мы чѣмъ хуже? Или работаемъ менѣе продуктивно?

Въ пылу преній осень промелькнула незамѣтно. Нынѣ приходится таскать хлѣбъ изъ Котласа гужомъ, что повыситъ цѣну около полутора рубля на мѣшокъ.

Вотъ экземпляры, достойные наблюденія. Человѣкъ только что взятый отъ сохи, хлебавшій лаптемъ щи, уже не довольствуется двухтысячнымъ окладомъ! Пожалуйте 2,500, петербургскій голова получаетъ 30,000, чѣмъ лучше... Бодро смотрите, ребята, впередъ!—сзади тускло, темно, на тѣлѣ народномъ зловѣще зіяютъ смертельныя раны, берите побольше куски мяса, въ видѣ тысячныхъ окладовъ, не оплачиваемыхъ эквивалентной цѣнностью труда. Даже своевременно не открыли ясли-пріюты, гдѣ во время страды, зырянскія дѣти могли бы пристроиться. На одну предсѣдательскую синекуру можно было бы открыть десять яслей, считая по 250 р. ясли, т. е. пятая часть ребятишекъ всего уѣзда были бы омыты, накормлены, оздоровлены.

Но оставимъ Яренскую берлогу, двадцать верстъ выше Яренска по Вычегдѣ деревня „Межогъ", первое зырянское поселеніе.

Выѣзжая въ Зырянскій край изъ темной, бѣдной школьнымъ просвѣщеніемъ Россіи, каждый невольно испытываетъ благопріятное впечатлѣніе, будто бы попалъ не въ зырянскую глушь, а въ счастливую страну, гдѣ источники знаній, освѣщающіе путь къ лучшей жизни, доступны каждому, примѣрно, какъ воздухъ.

Въ селѣ Жешартъ «обрацовая земская школа", десять верстъ дальше, въ селѣ „Гамъ"—двухклассное училище, прекрасное зданіе, выстроенное на средства министерства; сдѣлавъ переѣздъ до слѣдующаго островка жизни село Айкино-Шежамъ, здѣсь къ услугамъ жаждущихъ знаній богатое техническое ремесленное училище, поглотившее 70 тысячъ

рублей, считая постройку зданія и содержаніе, но въ теченіе 8-ми лѣтъ не подготовившее ни одного столяра, ни одного сноснаго мастера.

Слѣдуетъ сказать, что школа функціонируетъ здѣсь 20—30 лѣтъ. Казалось бы должна принести свой облагораживающій плодъ.

И представьте, о ужасъ! Тамъ, гдѣ прошла радужная тѣнь школьной сѣти красивыхъ зданій «образцовыхъ разсадковъ культуры" получаются мрачные оттѣнки.

Духовно-нравственное вліяніе школы ничтожно, можно положительно сказать, что сельскіе учителя и наставники не настраиваютъ столь сложный инструментъ, какъ дѣтская душа, возвышающе.

На пристани Сѣвернаго Общества учитель дер. Е., ловитъ чортиковъ, а за нимъ съ интересомъ наблюдаютъ десятокъ мальчишекъ школяровъ, комментируя каждое движеніе своего наставника. Факты эти—обычное явленіе.

Нуженъ тщательный контроль живой души, умѣющей сдѣлать подборъ именно „лучшихъ". Описываемой мѣстностью завѣдуетъ инспекторъ 4-го уч., Вологодской губ., Офицеровъ. Это просто верстовой столбъ въ форменной фуражкѣ или вѣрнѣе капралъ, который для пропуска требуетъ аттестатъ „зрѣлости", но если вы не запаслись этой бумажкой „входъ воспрещается", будь хоть золотая душа; „безъ установленнаго ценза"... „входъ воспрещается"!

Одинъ „окончившій" учился въ четырехъ семинаріяхъ, но пробывъ годъ-два изгонялся, аки нѣкое зловоніе за пьянство и блудъ. Въ концѣ концовъ получилъ аттестатъ зрѣлости и верстовой столбъ, вѣжливо снявъ фуражку, раскланялся: „пожалуйте на педагогическое поприще".

По слухамъ, г. Офицеровъ заваленъ просьбами „гимназистокъ", все кончившія съ отличіями. Это матеріалъ нѣжный, нуженъ наблюдательный, опытный глазъ, чтобы не обратить народную школу въ клѣтку, гдѣ будетъ чирикать скучающая „пташка", которая, проведя ненавистные часы школьныхъ занятій, вспорхнетъ „къ товарищамъ" на пикники верстъ за полсотни и лови ее тамъ, какъ это было въ селѣ «Ляли». Много лѣтъ учила здѣсь окончившая лишь двухклассное училище, но сумѣла поставить дѣло образцово. Заступившая ее мѣсто „пташка" распустила, свела на нѣтъ всѣ труды

старательной и способной предшественницы. Не гасите искры Божіей, дайте дорогу въ школу таланту, уму; въ противномъ случаѣ капралы донесутъ высшей власти, что въ школѣ „все дипломированные", по бумагамъ все исправно, а тутъ учителя ловятъ „чортиковъ"... Надъ жизнью затеплится не источникъ свѣта, зажигающій воспріимчивыя души идеями добра, правды и красоты, а факелъ смердящій и темная масса не поднимается выше животной физіологіи.

И все идетъ „стихіямъ вопреки". Въ концѣ мая я былъ въ селѣ Усть Вымъ.

На самомъ „мыскѣ" у перевоза усть-вымскій гражданинъ въ пестрядиномъ зипунѣ и „бобровой" шапкѣ на макушкѣ, представлявшей какой-то сборъ клочковъ кожи кошки, зайца, тюленя, схваченныхъ бѣлыми нитками, всаживалъ въ землю колъ, но дѣло шло туго: какъ ни потѣлъ зипунъ, а колъ не слѣдовалъ по назначенію.

Нѣсколько въ сторонкѣ прыгала за сохой выцвѣтшая рубаха съ рыжей бородой: временами рубаха трусила, то вдругъ соха углублялась въ землю и лошадь останавливалась, какъ вкопанная, а борода, налетѣвъ на соху, становилась на дыбы, испуская не добрыя слова. Порой соха окончательно выходила изъ борозды, скользя по верху, а лошадь пускалась рысцей, за которой еле улепетывалъ пахарь, дѣлая съ боку на бокъ отчаянные прыжки.

— Вотъ, думашь, „колъ" пустяшный струментъ,—заговорилъ зипунъ, а и тутотки надыть сноровка.

Гражданинъ зачерпнулъ берестомъ воды изъ лужи, наполнивъ ею ямку, выдолбленную въ землѣ коломъ.

— Нуткося, двинемъ, — произнесъ зипунъ, всаживая обѣими руками колъ, но едва двинулъ, какъ брызнулъ въ самое лицо фонтанъ грязи.

— Ахъ,—вскрикнулъ зипунъ,—утирая рукавомъ лицо, „кабы, чуть-чуть, струя-тъ свистнула-бъ влѣво"...

— Это по нашему званію, одно предположеніе...—сплевывая съ языка остатки грязи,—улыбнулся гражданинъ.

— Былъ тутъ у насъ дохтуръ, въ сцилистахъ состоялъ. Такъ елъ меня въ самое пузо дробью шарахнулъ и хоть бы те на. А посля сдрефилъ же здорово! Нну, гритъ, Сеня, выпотрошу всѣ твои нутренности, только помалкивай, а извлеку до единой дробинки. Будешь человѣкомъ сызнова, да

вотъ бери еще семь красныхъ и значитъ не пикни. Другой дохтуръ Б. круто повернулъ. Когда въ студентахъ былъ такъ все за народъ; а топерича вошелъ въ свою натуру... Больничная прислуга ухаживать больше за самимъ Б. и его супругой, а на больныхъ стали прогуливаться вши! Дошло до тово, что въ больницѣ больные заходили въ своемъ бѣльѣ. Разъ у меня палецъ заболѣлъ. Иду къ фельдшеру перевязать. „Вата есть",—спросилъ онъ. „Нн." „И тряпки нѣтъ"... „Нн"... „Э-эхъ, народецъ",—протянулъ фельдшеръ, вырывая изъ одѣяла клокъ грязной ваты и ленту отъ старой юбки на перевязку. „А дохтуръ Б. носитъ хорошую вату въ клозетъ, содой чиститъ свои кастрюли"! Ну донесли. Изъ Вологды наѣхали другіе дохтура. Осмотрѣли, покачали головой: „Ничѣмъ-де это не вытравишь"!.. Такъ и оставили.

У станціи Вогвоздино на пристани «Сѣвернаго Общества» я видѣлъ умирающаго человѣка; его везли изъ Яренской больницы. Это—буквально скелетъ кожа и кости; только по широко открытымъ глазамъ можно было судить о теплящейся жизни.

Скоро дюжина рукъ подхватила соломенный матрацъ, на коемъ покоился больной. Малѣйшее неловкое движеніе вызывало на восковомъ лицѣ адскія муки.

— Что же вы не остались въ больницѣ,—спросилъ я больного.

— Ннѣтъ, хочу хоть кости домой.—простоналъ голосъ.

Оказалось, больной около года назадъ изуродованъ въ дракѣ.

Съ пристани я поднялся на берегъ въ деревушку «Боръ» къ моему старому пріятелю Сергѣю, и, въ ожиданіи полученія почты, попросилъ приготовить самоваръ.

Это было въ срединѣ іюля, т. е. въ самую страду. Супруга Сергѣя хлопотала около стола сама, а «молодуха» ушла въ церковь въ Усть-Вымъ, потому что на Бору праздновали «Кириковскую Пятницу».

Сцена на пристани, повидимому, произвела и на Сергѣя тяжелое впечатлѣніе. Обыкновенно храбрый, вспыльчивый, не оставлявшій безъ двойной оплаты ни чью обиду, Сергѣй сидѣлъ у окна раскисшій, глядя на плывшую по Вычегдѣ лодку съ больнымъ, словно въ немъ сразу обрѣзали всѣ воинственныя струны.

— Прежде бывало,—оборачиваясь спиной къ окну, началъ Сергѣй,—дадутъ праздничнымъ дѣломъ, «ляпу», пролежалъ день—два и опять человѣкъ, а нынѣ стягами и чѣмъ попало лупятъ: коса—такъ косой, топоръ—такъ топоромъ ничево не бардуютъ.

— Да, ты-й но самъ—отъ нешто лучше? перебила супруга Сергѣя.—Видала я отъ тебя на своемъ вѣку, охъ, сколько видала. Одинова деревяннымъ конькомъ въ «косичу» засвѣтилъ, такъ вотъ какая «тютя» сплыла съ баранью голову, а изъ-подъ глазъ синяки и не схаживаютъ: чуть-чуть подсохнетъ, какъ сызнова подкрасишь.

Сергѣй слегка поерзалъ мягкимъ мѣстомъ о лавку; видимо ему хотѣлось влепить конькомъ ходячую обличительницу, но онъ вытерпѣлъ, не поднялся съ лавки.

— Родные братья межъ собой косами тѣшатся,—продолжалъ Сергѣй.—Одинъ шаркнулъ косой, а другой сдачу топоромъ; послѣ оба въ больницу. Бѣда, какъ и вѣкъ доживать будешь, вздохнулъ Сергѣй. Чуть сказалъ кому правду въ глаза, берегись, а то влепятъ косой, либо со всѣми потрохами спалятъ! Видишь стащилъ вязку сѣна, но молчи лучше. Вотъ какое стало время.

Молодка вернулась изъ церкви и, сдѣлавъ мнѣ поклонъ, злобно сверкнула глазами на свекровь, сидѣвшую у стола возлѣ кипящаго самовара.

— Баско стало, а грести-то не ушли,—пробурчала молодка.

— Ковды-кось мы эдакъ-жо хаживали грести въ праздникъ,—возразила свекровь—такъ послѣ вечеромъ всѣ переболѣли... всѣ до единой души... Падчерицу поносомъ хватило...

— Поди-ко ты отъ стола то лучше, не брольгай,—замѣтилъ Сергѣй, добродушно улыбнувшись на супругу.—Стара стала, взглянулъ на меня пріятель,—такъ знаешь-ли слабость, что на умѣ, то и на языкѣ,—ничего не держичча, какъ въ дырявомъ рѣшетѣ горохъ: прямо сыплетъ въ глаза, да еще все при людяхъ норовитъ—евино племя!

— Видала на своемъ-то вѣку, гудѣлъ за печкой голосъ. Давно-ли еще съ пьяна-то цѣлой корчагой по башкѣ звякнулъ только бургнуло... Политикантъ проклятый!"

— Я политикантъ?!—припрыгнулъ Сергѣй, но взглянувъ на меня лишь проскрипѣлъ зубами.

— Знашь ты, ктой-но больше, ты да еще дьячокъ Викула всѣхъ министровъ по косточкамъ перетрясешь, любово аркерея и съ котомкой за поясъ заткнешь. Что мнѣ врать? По край могилы хожу.

Окончивъ чаепитіе, я вышелъ на крыльцо, гдѣ супруга Сергѣя показала черепокъ.

— Вотъ этимъ и двинулъ. Въ ушахъ и нынѣ бунчитъ".

Отъ станціи Вогваздино въ Усть-Вымъ мнѣ пришлось возвращаться по лугу, гдѣ мелькали тѣни скрываясь въ волнахъ зелени, то снова показываясь на холмахъ. Тѣни съ бородами производили руками отчаянные жесты по адресу барановъ, овецъ дико-метавшихся въ травѣ, стараясь ускользнуть отъ бородатыхъ преслѣдователей, но увы это удавалось не всѣмъ: на „мысу", входящему угломъ въ Вымско-Вычегодскій водораздѣлъ, пестрѣло нѣсколько рогатыхъ головъ, охраняемыхъ мужиками. Подъ этой же охраной стояли и лошади, понуривъ головы.

Что это значитъ,—спросилъ я перевозчика.

— Луга эти принадлежали усть вымчанамъ, а скота пускаютъ на луга изъ другихъ деревень, ну, такъ вотъ усть-вымчане и ловятъ".

Вѣдь не съ умысломъ же пускаютъ?

— Кто знаетъ, всяко можно подуматъ, а вѣрно сказатъ не мыслимо, такъ что одно толкованіе"...

Перебравшись за рѣку Вымъ, я устроился на ночлегъ въ ближайшемъ домѣ села. Шелъ одиннадцатый часъ вечера. Небо было ясно, только на горизонтѣ сѣвера горѣли въ грандіозномъ заревѣ легкія облачка, вздымаясь клубами, а въ самомъ куполѣ, блестѣли, какъ перья чайки, сложенныя въ изящный, тонкой работы узоръ.

Подъ моими окнами поднялся дикій крикъ, гдѣ-то за домами шла усиленная возня. Дикія стихіи временами куда-то уносились въ даль, изъ-за домовъ долетало рычаніе, а скоро передъ окнами образовался хороводъ; нѣсколько окровавленныхъ рубахъ, вцѣпившись другъ дружкѣ въ вихры, брады, рвались изъ объятій въ сторону, то могучей рукой снова сдвигались.

На почтовомъ трактѣ показалась тѣнь человѣка съ казенной бутылью подъ мышкой; въ одной рукѣ человѣкъ держалъ чайную чашку, а въ другой—пучекъ зеленаго лука.

Потасовка мигомъ прекратилась, лишь только драчуны за-

видѣли тѣнь съ бутылью, словно они занимались какимъ-то пріятнымъ развлеченіемъ...

— Ты не бойсь,—успокоилъ меня хозяинъ, входя въ комнату.—По нашему положенію безъ этого даже невозможно... Губимся зря, другу пору въ кровь изведешься... Поймали овецъ и лошадей на лугу: овецъ продали съ акціона въ Волостномъ, а съ лошадей требуютъ выкупъ по цѣлковому съ копыта.

— Чисто Франція!—продолжалъ хозяинъ. Только знаешь кутерьма большая. Хозяева проданныхъ овецъ ловятъ нашихъ... Все пьянники орудуютъ, а намъ это ни къ чему.

— Гдѣ и но ты была?—раздались подъ окномъ звуки. Степку тай де Амосова треплютъ; дважды ужъ духъ вонъ выходилъ...“ отвѣтилъ голосъ.—Думаютъ отошелъ, а еще лягнутъ пошибче—зашевеличча,—Чуешь-ли, женка, Машка-та Щелкина опятъ съ брюхомъ?—Ну, а у Камлотниковыхъ солдатъ пріѣхалъ...—И овецъ-де матушка нынѣ пропили видимо не видимо.—Сереговскій-де управляющій тутъ же прикомандировался...

— Что-то бабья плантація здорово кружиться,—произнесъ хозяинъ, бросая взглядъ на сосѣдній домъ, гдѣ въ дверь крыльца ломился человѣкъ въ рубахѣ. Мигомъ полдюжины рукъ, схвативъ рубаху, угощаютъ пинками, бросая на землю.

Съ лѣстницы крыльца выбѣгаетъ человѣкъ съ рыжей бородой и въ два-три прыжка, подскочивъ къ истязаемой на землѣ рубахѣ, давай лягать её ногами въ грудь!

— Осетровъ, управляющій сереговскимъ заводомъ, — отрекомендовалъ хозяинъ, показывая на рыжую бороду.

— Что-то давеча всѣ дружно у волостново съ овцами, хороводились,—прозвучалъ чей-то голосъ, а тутъ самъ управляющій въ рукопашный... Открывъ окно, я крикнулъ прекратить бой.

Немного спустя въ комнату мою влетаетъ выутюженный Амосовъ съ остро-отточенной косой на плечѣ, а вслѣдъ за бѣшеннымъ визитеромъ вошелъ высокій человѣкъ въ синей рубахѣ, усердно лягавшій въ общей свалкѣ лежачаго Амосова.

— Ты не возвышай голосъ,—крикнула на меня синяя рубаха.

Ахъ, чортъ возьми, если такая встрѣча на большой дорогѣ, подумалъ я, оглядывая синюю рубашку.

Утромъ рано разбудилъ меня коквицкій ямщикъ, спѣшившій домой на праздникъ „Кирика и Улиты“.

Надъ Вычегдой еще дымился утренній туманъ, скрывая низменныя мѣста, а изъ этой спокойно-несшейся массы, вставала Коквицкая гора.

— Господинъ, ты не знаешь кто на тебя крикнулъ?— спросилъ меня ямщикъ, кроткій мужчина лѣтъ двадцати восьми.

— Не знаю.

— Это скотскій фельдшеръ. Въ нашей палестинѣ ихъ по обхожденію любой скотъ понимаетъ, а особливо эта собака, такъ еще дня за два воетъ на пропалую... Чувствіе значить большое имѣетъ. Даже свинья и та въ разумѣніе подходитъ.

— Лечилъ у насъ лошадь. Хорошій конь былъ, но прихворнулъ. Ну знаешь-ли я съ дуру въ Усть Вымъ за фельдшеромъ. Вечеромъ далъ зельё, а къ утру лошади не стало.

Мы подъѣзжали къ селу „Оквадъ", куда дорога идетъ по низинамъ и болотамъ, окружающимъ село непролазными топями, а пройдя село вьется песчаной лентой по лугамъ.

Въ сторонѣ отъ дороги пестрѣютъ полоски полей, окруженныя канавами... Казалось бы въ этой суболотинѣ не могло сложиться сытой, обезпеченной жизни. Однако огромные дома въ двѣ избы и три-четыре горницы, съ „тальянскими" окнами, новые амбары, говорили о высокой зажиточности и достаткѣ.

— Здѣся торговлей займуются,—пояснилъ ямщикъ. Другіе лоцманами состоятъ на судахъ и пароходахъ, а больше мясники. Дошлой народъ. Какую хошь тушу на глазъ взвѣситъ и выйдетъ золотникъ въ золотникъ. Да еще и разскажетъ сколько тамъ корова телятъ имѣла, ковды съ быкомъ ходила, все, все распишетъ, какова знаешь ли поведенія... Прозорливый мясникъ!

Дорога спустилась въ ложбинку, откуда взвилась по откосу къ самому перевозу черезъ Вычегду.

Изъ ветхой избушки выглянулъ человѣкъ въ рубахѣ; на ногахъ лежали толстые слои грязи, какъ и на лицѣ, очевидно не знавшемъ отродясь мыла, а вмѣсто волосъ на головѣ висѣли длинныя пряди.

— Какой-то народъ ѣдетъ,—произнесъ человѣкъ и, лѣниво повернувшись, скрылся въ избушкѣ.

Благополучно переплывъ Вычегду на неуклюжей, расползающейся по всѣмъ швамъ перевознѣ, мы карабкались на берегъ, стоявшій надъ рѣкой почти отвѣсно. Въ воздухѣ было свѣжо, солнце только показалось изъ-за горъ, бросая теплые

лучи на привычегодскіе лѣса, которые пѣстами дымились. Поднявшись на берегъ по ручьямъ и оврагамъ, передъ нами открылась какъ на ладони Коквицкая гора, растянувшись безконечной грядой, огибаемой Вычегдой.

Взади бѣлѣютъ, какъ чайки на синѣющей поверхности хвойнаго моря, двѣ оквадскія церкви; нѣсколько далѣе за небольшимъ перелѣскомъ горятъ лазурью куполы усть-вымскихъ церквей, а внизу змѣится Вычегда, скрываясь въ ельникѣ и, словно прорѣзавъ стальной лентой коквицкую громаду, сверкаетъ серебромъ уже на другой сторонѣ гряды.

Благословенная гора! Отъ подножія ея вы вздымаетесь на едва замѣтный уклонъ около трехъ верстъ, но затѣмъ, какъ только достигли верхушки, уклонъ опускается къ Вычегдѣ ровно безъ крутиковъ и обрывовъ.

Дорога, обнесенная съ обѣихъ сторонъ изгородью, идетъ среди зелени полей мимо старыхъ на половину не довершенныхъ развалинъ домовъ, темнѣющихъ на самой лучшей, удобной и плодороднѣйшей части горы, какъ грязныя заплаты на дорогомъ облаченіи. Года два назадъ начальство отпустило на Коквицкую волость за $^1/_8$ крестьянской таксы, т. е. почти безплатно, нѣсколько тысячъ бревенъ на достройку, но, говорятъ, часть лѣса уплыла за границу черезъ Архангельскъ.

Къ обѣдни уже благовѣстили, когда мы въѣхали на погостъ. Возлѣ самой дороги домикъ съ зеленой вывѣской „казенная винная лавка“, подальше „волостное“, большія окна съ разбитыми стеклами.

Чуть-чуть пониже церкви на уклонѣ дымился костеръ, около котораго толпились люди.

— Сегодня у насъ большой праздникъ,—объяснилъ ямщикъ. „Кирикъ и Улита“. Да, пожалуй, что больше этово праздника развѣ только „Успенье“. Празднуютъ то-же и Ильинъ день да мало, слава одна, что праздникъ, а прилежанія тово нѣтъ: Такъ себѣ по пути. Промежутокъ отъ „Кирика“ до „Ильи“ всево пять дёнъ, ну, значить хмель-то и не выпускашь изъ головы, а другой дуетъ насквозь до „Пантелеймона“ и то сказать отъ „Ильи“ до „Пантелеймона мученика“—то-же куриный шагъ... Очень-но великолѣпно устроено одно къ одному знаешь сходствіе имѣетъ и крути въ круговую... Другой, братецъ ты мой, въ тако умиленіе приходитъ распразднуется, что до послѣдняго фунта муки доходитъ; хлѣбъ

на полѣ продаютъ, а пришла зима побираться по ярмаркамъ. Завьетъ, завьетъ, потомъ ужъ человѣкъ не воленъ надъ собой и „болтается, какъ съ корнемъ вырванная ель“.

Что это тамъ около костра дѣлаютъ?

— А тутъ варятъ мясо овецъ, барановъ, телятъ, куръ,— отвѣтилъ ямщикъ. Всѣхъ гуртомъ навалятъ въ одинъ котелъ и не разберешь какая тамотки нація: овца, кура или баранъ. Послѣ обѣдни „попа“ освятитъ и дѣлятъ межъ собой прихожане. Иродовъ обычай! Этихъ барановъ и овецъ ловятъ прямо безъ разбору чья попала, а крошечныхъ овечёкъ рвутъ, какъ голодные волки.

На третій день праздника „Кирика и Улиты“ я рѣшилъ ѣхать въ село Палевицы, гдѣ празднуютъ „Ильинъ день“. Рано утромъ разбудилъ меня шумъ подъ окнами, а скоро ямщики ввели пьяную тушу члена управы.

Часа два спустя на станцію явились К-ская и Т... учительницы, назначенныя завѣдывать „Яслями“, но ожидающія предписанія управы.

— Я самъ Управа,—приподнялся съ лавки „членъ“, самъ и назначаю на Коквицкій функтъ...

Послѣ полдня я оставилъ Коквицы. Царило праздничное настроеніе. Парни въ красныхъ рубашкахъ и шляпа a la Пушкинъ, сидя на изгороди, пилили на гармоникахъ, а два бородача отплясывали камарьинскаго, подразниваемые мальчишками.

Изъ старыхъ домовъ-развалинъ выходили пестрядиныя рубахи, направляясь въ поле съ косами на плечахъ. Солнце безпощадно палило. Подойдя къ плясунамъ, рубахи усаживались на траву.

Мы давно уже въѣхали на Палевицкій боръ. Молчаливый, задумчивый боръ, казалось, застылъ въ своей очаровательной прелести. Красностволыя сосны задумчиво глядятъ, бросая на бѣлоснѣжный покровъ мха таинственныя тѣни. Такъ на 15 верстъ, но вотъ боръ кончился, пошелъ мелкій ельникъ, лошади взбѣжали на уклонъ, откуда показались крыши домовъ.

— Здѣся,—взмахнулъ ямщикъ влѣво кнутомъ,—каждогодно ночью на Ивановъ день горитъ огонекъ.

„Нерукотворный образъ“ проявился. Народушку повалило со всѣхъ концовъ земли... Выстроили часовенку, но потомъ упразднили. Говорятъ дѣло до Синодовъ доходило, ну оттедова

лезорюція: чудесъ де по зырянской епархіи и такъ на кажинномъ шагу куры не клюютъ. Палевицкій попъ живетъ не хуже помѣщика; держитъ быковъ, коровъ и деньжонокъ десятка два-три тысячъ отложено. Самъ бездѣтный. Разговоришься,—все какъ будто маловато.

— Здѣшни мѣста куды супротивъ Коквицкой горы,—перевелъ разсказчикъ, сдѣлавъ жестъ рукой на село Палевицы. То же гора, но ужъ не то. А живутъ, хлѣба прикупаютъ малость, пробиваются и своимъ. Нашему сословію хлѣбъ главно дѣло. Тѣснота, полоски полей все кроятъ, да перекраиваютъ. Маломощный идетъ на заработки за Уралъ, а весной домой, пахать поля. Дѣло надо сказать пьютъ и палевицкіе не хуже другихъ, только гдѣ какое образованіе: коквичане больше по карманнымъ художествамъ, да по ярмарочной: Усть-вымъ — тамъ кирпичникъ, да шерстобитъ. Фартовый людъ. Иной ухлопаетъ на валенки полпуда шерсти, а выйдетъ ни чулокъ, ни сапогъ. На Выми такъ стрѣлокъ все знатный. Любу птичу бьетъ на лету, а съ рябчикомъ такъ еще поговоритъ. Есть на Вычегдѣ деревня, такъ оттеда все просить идутъ: имѣютъ и осѣдлость только все по своей астрономіи. Вотъ въ Ероздинѣ тыркасьё, какая ни на есть на свѣтѣ коммерція по духу знаютъ. Въ одномъ селѣ опять забираютъ дѣвку, помоложе. Партіями сплавляютъ. Тьфу".

Въ Ильинъ день я проснулся рано. Солнце только показалось изъ-за лѣса, зажигая наполовину большіе дома розовымъ свѣтомъ, пробивавшимся сквозь свинцовыя облачка, то вдругъ на село падала темная полоса, а лучи свѣта уже золотили за вычегодскіе лѣса, синѣющіе безбрежнымъ моремъ.

Въ тѣни межъ домами двигается процессія, направляясь къ церкви. Медленно шагаетъ здоровый быкъ, связанный веревкой вокругъ головы и шеи: съ обоихъ боковъ, поддерживая руками за веревку, шли два старика. Изрѣдка быкъ производилъ движеніе головой, сверкая испуганно глазами. На лицахъ старцевъ только углублялись морщинки, выражавшія непреклоность воли. Почувствовавъ силу, голова быка принимаетъ прежній покойный видъ, лишь кровью налитые глаза блуждали дико. За быкомъ вели „нетель", овецъ, барановъ, двигаясь въ томъ же направленіи.

На-скоро накинувъ на плечи пальто, я отправился къ церкви. Привязавъ быка къ столбу, старцы обнажили головы,

устремляя взглядъ на востокъ и на храмъ. Въ глазахъ блестѣлъ огонь вѣры, выражавшій ту каменную твердость и силу духа, что казалось имъ не страшны никакія физическія муки: хошь сейчасъ нагорѣвшій уже у церкви костеръ и не дрогнетъ ни одинъ мускулъ!

Эта сцена живо перенесла мое воображеніе въ отдаленныя времена, когда люди выносили за религіозныя убѣжденія ужаснѣйшія пытки святѣйшей инквизиціи. Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ жестѣ творившихъ священный культъ, глубоко лежало сознаніе, одушевленное пламенемъ, который зажигаетъ на высокіе подвиги. Живая картина древняго міра, сохранившаяся по забытью въ Палевицкой глуши, оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе.

Сотворивъ набожные поклоны, старецъ беретъ въ руки топоръ, ловко нанося ударъ въ голову быка, какъ падаетъ подъ ударомъ и „нетель", т. е. первымъ, стельная; обычай требуетъ, чтобы въ утробѣ былъ теленочекъ. Въ противномъ случаѣ приводится другая „нетель"...

Раздался ударъ колокола къ заутрени. Металлическіе звуки мощной волной разнеслись по лѣсамъ, и все смолкло. Послѣдовалъ второй ударъ, третій и въ воздухѣ плавно покатился безпрерывный гулъ, сливаясь въ лѣсахъ въ заунывныя созвучія.

Церковная ограда представляла какую то бойню, гдѣ люди потрошили окровавленными руками туши животныхъ, кидая разрѣзанное на мелкіе куски мясо, почки, кости въ одинъ общій котелъ.

— Филипъ,—сурово произнесъ старикъ.

— Что,—отозвался голосъ.

— Вѣдь голова и заднія холки „попе" принадлежатъ, а ты послалъ дьякону и псаломщику?

— Я больше потому,—засеменилъ Филипъ. Лонись имъ достались ребра, да еще кишка, кака тутъ корысть?

— Господи, прости,—простоналъ старикъ. Велика, подумашь, птича твой псаломщикъ! Кто по твоему выше?

— У попы то же вѣдь одно брюхо, огрызнулся Филипъ. Гляди кось о Покровѣ три воза пирога набралъ, а эти только прыгаютъ за нимъ, да подводятъ бухгалтерію поповскимъ доходамъ.

Заутреня отошла и духовенство отправилось служить молебенъ на выгонъ за рѣчку, откуда прибыла процессія.

На горизонтѣ клубились горы тумана, и можно было думать, что скоро соберется дождь, тотъ благотворный лѣтній дождь, который падаетъ, какъ слезы радости, смѣняясь привѣтливой улыбкой просвѣтлѣвшаго неба; но солнце поднималось все выше и выше, незамѣтно растаяли туманныя массы на горизонтѣ, палящіе лучи грѣли все жарче, въ воздухѣ дрожали переливали золотыя струйки. Въ ослѣпительно-чистой лазури неба звенѣла пѣсня жаворонка, а внизу сверкала миріадами искръ Вычегда. Изъ села и окрестныхъ деревень тянулись пестрѣя вереницы женщинъ и дѣтей съ бураками пива и наберухами пироговъ; живыя ленты то исчезали въ волнахъ ржи, то снова показывались на холмахъ, но вотъ всѣ эти ручейки, несшіеся съ горъ слились въ одинъ общій потокъ, двигавшійся по широкой песчаной дорогѣ къ выгону.

Въ центрѣ движенія шагала казинетовая поддевка съ лицомъ, напоминающимъ свертокъ куделя.

— Годовъ десятокъ той порѣ „жертвы“ не было, такъ послѣ моръ на скота палъ охальной,—разсказывала поддевка.

— Въ коемъ кось годѣ отседова мы съ молебствіемъ на Кукуй гору прошли,—перебилъ другой голосъ—такъ тоже, травы, травы выросло такая прорва упаси Богъ...

Когда сложили даянія прихожанъ въ общую массу, то на выгонѣ образовался внушительный пивной складъ нѣмца Зибельдта, да пироговъ болѣе пятидесяти пудовъ.

Послѣ обѣдни „попа“ освятилъ „жертвы“ и началась тутъ-же въ церковной оградѣ трапеза. Сторожъ, запустивъ руку въ котелъ, вытаскивалъ куски мяса, раздавая прихожанамъ, которые, усѣвшись гдѣ попало, а то и просто стоя, неаппетитно грызли. Мясной наваръ бѣднѣйшіе жители разносили по домамъ.

Изъ церкви я вернулся, но хозяинъ мой былъ уже навеселѣ, любезно бесѣдуя съ гостями.

Подъ окнами протрусили: попа, отецъ діаконъ, а за нимъ сильно выцвѣвшая тѣнь псаломщика съ облаченіями, сложенными подъ мышкой.

Еще на крыльцѣ голосъ отца діакона гремѣлъ:—Илія-я славный;—между тѣмъ, какъ псаломщикъ тянулъ въ проходъ.

— Со временемъ протодьякономъ будетъ,—замѣтилъ гость, бросая взглядъ на вышедшаго изъ избы отца діакона.

— Какъ нѣтъ, подтвердилъ хозяинъ, закрывая кошелекъ,

изъ котораго онъ только что выложилъ попамъ три гривенника.—Сегодня имъ страда,—добавилъ онъ.—На молебнѣ, да славѣ больше ста рублей возьмутъ, а съ хлѣбомъ и всѣ двѣсти.

Въ избу стали входить „странные“ люди въ заплатныхъ армякахъ, поздравляя съ праздникомъ. Хозяйка подносила каждому чашку пива и пирогъ. Явились перевозчики въ зипунахъ изъ синей крашенины и получивъ праздничное, удалились. За нимъ, какъ изъ земли выросъ небольшой человѣчекъ, мастодонтамъ и мамонтамъ современникъ: на лицѣ лежали глинистыя наслоенія, какъ и на ногахъ. Этотъ человѣчекъ живетъ въ норѣ у воротъ при въѣздѣ въ село, охраняя осѣкъ за три цѣлковыхъ съ „Іоны“ до „Ильи“. Проѣзжающимъ онъ открываетъ рѣшетку и, отвѣсивъ поклонъ, провожаетъ вопросительнымъ взглядомъ, который такъ и окаменѣлъ на его лицѣ. Разъ какой-то баринъ сунулъ ему пятакъ. Съ той поры прошло много лѣтъ, но и нынѣ онъ разсказываетъ объ этомъ съ сіяющей улыбкой.

— Не много человѣку и надо—сказалъ хозяинъ, обращаясь къ гостямъ,—а мы все хотимъ больше и больше.

— Нигдѣ закона нѣтъ, нигдѣ,—перебила сватья. Вонъ наши Торлоповы. Срамъ. Повѣнчались два дня, а на третій молодая удрала отъ мужа. Вездѣ ко всѣмъ начальствамъ выходили и никакой справы на глупу бабу не нашли.

— Какой ужъ законъ,—прошептала другая сватья, о Покровѣ въ дракѣ чуть-чуть попа не смяли“.

— Погляди сегодня,—вмѣшался хозяинъ, молодяжниковъ почитай, что и въ церкви нѣтъ. Отцу, матери—почитанія не стало. За что Богъ дастъ?

— Не далеко ходить,—продолжала сватья, взять того-же Торлопова. Растянулся столбомъ на полатяхъ и пролежалъ всю обѣдню. А сказала мать, вскочилъ на дыбы: что говоритъ я нынѣче представляю такое не женатъ, не холостъ, какую могу коллекцію имѣть, гдѣ суть? Городитъ де такую монополію, что уши вянутъ. Знамо ужъ отъ Бога отступился и ума рѣшился.

На улицѣ раздались неистовые крики, ревъ, полетѣли колья, палки, замелкали избитыя, растрепанныя, окровавленныя тѣни, готовыя „истерзать“ все что ни попало подъ руку въ этомъ дикомъ порывѣ, подогрѣтомъ парами алкоголя.

— Совсѣмъ зря изводимся,—замѣтила сватья.

— Какъ нѣтъ, разсудилъ хозяинъ, едрено оживляетъ человѣка водка, а страсть пользить человѣку, кто пьетъ для своево умиленія и дольше можетъ жить... Попа пьетъ, тянетъ справно, а ужъ заказной обѣдни не проспитъ...

Скоро рука свата какъ-то словно сама собой очутилась на плечѣ сватьи и бесѣда приняла болѣе интимный характеръ...

На другой день къ Палевицкой пристани подошелъ пароходъ „Надежда", слѣдовавшій вверхъ по Вычегдѣ въ Усть-Сысольскъ. Пока я устраивался на пароходѣ „Надежда" далеко оставила село Палевицы.

Впереди на лѣвомъ берегу показалось Часова—послѣднее поселеніе Яренскаго уѣзда. Слѣдущая деревушка Парчегъ уже въ предѣлахъ Усть-Сысольскаго уѣзда.

Какой захватывающій просторъ! Позади на верхушкѣ горы осталась Часова, раскинувшись на версту, а кругомъ безконечные хвойные лѣса. То забѣлѣетъ гдѣ-то березовая роща или вспыхнетъ на темно-зеленомъ фонѣ красный пальникъ.

Казалось, какъ нахлынули эти лѣса, такъ и затопили все на югѣ, верстахъ въ пятнадцати столпились въ небольшую кучку на опушкѣ, оттѣненной чащей елей и сосенъ, нѣсколько избъ, отъ которыхъ сбѣгаютъ подъ гору полоски полей. Вотъ все живое на пространствѣ 200—300 кв. верстъ, что охватываетъ глазъ.

— Кто запасся хлѣбомъ, еще жить можно,—говорилъ мнѣ парчегскій мужикъ Родіонъ. А то такъ худо... Плохой у насъ занятьё: зимой кто чашку долбитъ, кто рѣшето плететъ, дѣлаютъ и ложку то же, опять и веретно точятъ, много осины изводятъ больше на корыто, лопату и разно тамъ дамашне обзаведенье. Тыркасье наѣдетъ и заберетъ все за безцѣпокъ: эта чашка, поваренка, ложка копейки по двѣ огуломъ идетъ. Другу чашку долбишь, да отдѣлываешь чуть не цѣлый день. Не завидная промышленность! Одно препровожденіе, кто по смекалистѣе такъ все уходитъ въ Сибирь, а мы пропадаемъ задарма... Своего хлѣба рѣдко у кого хватаетъ на круглый годъ. Къ зимѣ значитъ и сплавляешь лишни рты: порная дѣвка идетъ въ города, а парень къ Богословскимъ, либо за Уралъ. Ну облегчишься такимъ манеромъ, кое какъ и сведешь концы. У меня двѣ дѣвки ушли.—Тятя, заробимъ на приданно и придемъ домой,—причитали обѣ, заливаясь слезами. Родное дѣло! Прошло ужъ лѣтъ шесть, а о нихъ ни слуху, ни духу. Какъ въ воду канули,—тяжело вздохнулъ Родіонъ.

Вотъ голосъ жизни, останавливающій наблюдателя при въѣздѣ въ Усть-Сысольскій край.

Прежде былъ предсѣдатель по назначенію; при немъ выстроена Ксенофонтовская дорога отъ Усть-Нема до Чердыни. Впослѣдствіи выяснилось, что никакой нужды въ дорогѣ не было, за десять лѣтъ проѣхавшихъ можно сказать на перечетъ: пріемная комиссія, да смотритель дороги... а такъ ни души.

Тогда только стало ясно, что микробъ несчастья коренится въ самомъ центрѣ правленія, такъ сказать въ мозговомъ его веществѣ. Назначили новаго предсѣдателя по выбору, который прежде всего упразднилъ полезное начинаніе своего предшественника—кирпичный заводъ, бросивъ цѣнное имущество. Между тѣмъ нужда въ кирпичѣ вопіющая. Нынѣ выборный предсѣдатель горячится, что лѣтомъ учителя живутъ безъ дѣла... Все, какъ видитъ читатель, порывы благородные...

Давно ли еще пора, когда предки этихъ нечесанныхъ «дѣятелей» гуляли по усть-сысольскимъ холмамъ въ звѣриныхъ шкурахъ, а нынѣ, такъ расфрантились, да надушились что, пожалуй, и не узнаешь. Расплодили синекуръ настолько, что въ короткое время земскій бюджетъ взлетѣлъ съ 200 до 400 тыс. руб. И всѣ изъ кожи лѣзутъ, чтобы попасть въ земство... Изъ 30 выборщиковъ на выборахъ 1909 г. только два-три подавали голоса за другихъ, а остальные пожелали быть гласными... Гражданинъ С. все подпаивалъ мужиковъ. Потомъ такъ втянулся, что сталъ рѣзать себѣ горло... Вотъ насколько сильно желаніе попасть въ земство.

Надо бы живого человѣка, но увы... грызуны заняли всѣ тепленькія синекуры, на основаніи «законовъ» и плодятъ новыя «въ силу властныхъ велѣній жизни». Такъ множится бездѣльничающій, паразитирующій классъ. Представьте въ прогрессивной прессѣ часто появляются замѣтки о блестящей дѣятельности усть-сысольскаго земства! Вотъ гдѣ ужасъ положенія, что никто не хочетъ признаться въ своемъ ничтожествѣ... Все гадко лжетъ, огрызается, льститъ, самовосхволяется и этими скверными испареніями всеобщаго моральнаго разложенія пропитывается и масса-народная. Слагаются гибельныя влеченія къ обжорству, пьянству, праздности, безразлично какимъ путемъ только бы скорѣе къ общественному пирогу; въ этой удушливой атмосферѣ низменныхъ влеченій подра-

стаютъ чахлыя, хилыя поколѣнія, всасывая съ молокомъ матери опаснѣйшую отраву. Зажечь молодую здоровую жизнь на кладбищѣ сгнившаго строя можетъ истинно-народная школа опрощенія и труда.

Однажды въ 5-мъ часу дня захожу къ «бумажному производителю» земской управы съ добрымъ намѣреніемъ поговорить «инкогнито». Позвонилъ и жду полчаса. Ни единаго признака жизни. На второй звонокъ вылетаетъ изъ-за угла глупая зырянка, держа въ одной рукѣ ватрушку съ черникой, а другой производила движенія, призывая меня къ себѣ.

— Вамъ Тихонъ Тюньтюковича? проглатывая кусокъ черники, процѣдила зырянка.

— Да.

— Спитъ безсознательно. Часовъ въ десять зарядитъ еще, а потомъ въ чемъ есть грохнется на кровать до утра. Когда послѣ собраніевъ закручиваютъ подрядъ дня по три. Ночью ину пору промычитъ какую нибудь блажь.

Иду къ другому дѣятелю. Здѣсь на «парадной лѣстницѣ» бумажка съ надписью: «вхотъ черезъ куфню». Проникаю. Царитъ гробовая тишина. На столѣ чашка молока, въ которой плаваютъ мухи. Рыжій котъ, лежавшій кренделемъ на окнѣ, всталъ, потянулся, присѣлъ и, почесавъ лапкой за ухомъ, направился къ чашкѣ съ молокомъ. Раздалось протяжное храпѣніе на печкѣ. Носовые звуки просвистѣли еще сильнѣе и сразу оборвались, а надъ печкой показалась сѣдая голова, осѣняя открытый ротъ крестнымъ знаменіемъ.

— Вамъ хозяина?—спросила голова, опускаясь на печку. — Дома нѣтъ, спитъ,—пробурчалъ голосъ.

Отойдя нѣсколько саженей отъ воротъ до меня долетѣли слова:

— Ей, поштенный! Да ты въ этотъ часъ обойди хоша весь Усть-Сысольскъ и ни души живой, развѣ шатія какая. И нашелъ время ходить. Надо полагать астрономъ какой по глазамъ вижу, а можетъ и лекарь. Къ почтѣ семинитъ политикантъ; ихъ не разберешь, какихъ не шлютъ сюда націй? Ненатуральный городокъ! Цивилизована шельма эта политика: огонь. Другой поджаристъ, какъ снопъ на колу, а кажду народность понимаетъ: ежель нѣмецъ—ну ты по хмельной, да пивной части; хфранцузь—опять помни 12 годъ. Скажемъ политика—плевая потенція, а и отъ оной возмущеніе боль-

шое. Взять псаломщика. Сболтнулъ неугодное батькѣ слово тотъ пожаловался и упекли...—Никакой политики въ моей сути нѣтъ, говаривалъ онъ, освѣти хоть рентгеновыми лучами. Нынѣ несетъ незнамо какую жуть: нѣтъ-де никакой причины причинъ, а все одна видимость суетная и ложная въ пространствѣ кружится... Ну, вотъ начальство и туритъ ихъ по деревнямъ: пускай, гритъ, тамотки они преобразуютъ на свой ладъ зырянску сѣрость".

Въ Усть-Сысольскѣ живутъ два лѣсничихъ и ревизоръ, что и не безполезно для раціональнаго хозяйства.

Лѣтъ тридцать назадъ, съ открытіемъ навигаціи мимо Усть-Сысольска плыли внизъ по Вычегдѣ, къ Архангельску, караваны барокъ съ избытками хлѣба. Сысольскіе зыряне палили подсѣки, снимая обильные урожаи самъ пятьдесять и болѣе. Потомъ подсѣчную систему запретили, а нынѣ Усть-Сысольскій край половину года питается привознымъ хлѣбомъ.

Кое-гдѣ и сейчасъ зыряне украдкой палятъ новины, забравшись въ глубь лѣса. Часто пламя охватываетъ большія лѣсныя пространства.

Конечно полезнѣе было бы лѣсные пожары вовсе упразднить... но пока паленыя деревья продаются съ торговъ.

Такъ горѣлый лѣсъ 1907 года былъ назначенъ къ торгамъ не осенью того же года, когда за него предлагали полную таксу съ наддолею, а черезъ годъ, т. е. осенью 1908 года. Благодаря такой затяжкѣ лѣсопромышленники предложили только „одну четвертую часть таксы", да вдобавокъ на выборъ по всему лѣсничеству. Въ концѣ концовъ лѣсъ остался гнить на мѣстѣ. На торги, назначенные въ Усть-Сысольскѣ 18 февраля 1908 года явились три представителя архангельскихъ фирмъ, изъ коихъ только одинъ купилъ 6 тысячъ деревъ въ Небдинскомъ лѣсничествѣ по $^1/_4$ таксы съ наддачею 1%. Остальные двое отказались, объясняя, что торги назначены поздно въ концѣ зимы, когда нельзя сдѣлать большой заготовки, такъ какъ вывозить лѣсъ по глубокому снѣгу трудно и дорого; заготовлять на будущее лѣто небезопасно, такъ какъ лѣсъ изъѣдается короѣдами.

Вотъ недурная иллюстрація раціональнаго хозяйства: пока короѣды съ зелеными кантами назначали торги лѣсной прототипъ ихъ скушалъ на $^3/_4$ стоимости древесины!

Въ началѣ сентября я напалъ вблизи Усть-Нема на зыря-

нина, рубившаго столѣтній кедръ, чтобы снять шишки орѣха.

— Вы бы лѣстницу приспособили,—замѣтилъ я.

— У насъ это не заведено,—сказалъ зырянинъ.

— Развѣ лѣсничій не запрещаетъ?

— Въ Усть-Сысольскѣ, говорятъ, есть такіе люди, что о лѣсахъ очень безпокоятся, а мы по-просту...

— Кедру рубить легко,—продолжалъ мой собесѣдникъ,— а вотъ камень насъ изводитъ.

— Какой камень?

— Точильну гору упраздняемъ. Значитъ брусья и точило рубимъ. Норвежцы такъ машинами пилятъ камень и лому мало, а мы по-просту: отколешь глыбу пудовъ сто, ну и рубишь. Выйдетъ пуда 2—3 точило — ладно, то такъ всю измельчишь въ порошокъ... Тяжело добывать, засорили. Прежде наше точило шло много, а теперь пустяки. Ужъ въ Усть-Сысольскѣ норвежское продаютъ, камень хуже, но хорошо обдѣланъ.

— А что правда, бутто въ Усть-Сысолѣ кіятеры представляютъ?—обратился ко мнѣ зырянинъ.—Сказываютъ тамъ люди по десяти фунтовъ калачей ѣдятъ на разъ? Намъ и казенку худую продаютъ, пьешь какъ воду, а тамъ съ одново глотка глаза подъ лобъ заходятъ... Весело въ Усть-Сысолѣ, да веселѣе и города нѣтъ. Сусѣдъ нашъ въ управу заходилъ, такъ и отъ людей-де страсть баской духъ идетъ, не какъ отъ насъ...

Оглядываясь назадъ, передъ вами вспыхиваютъ живыя картины давно минувшей жизни, словно воскресшія изъ глубины вѣковъ: допотопные пріемы хозяйства и образцовые разсадники культуры, милліоны чернозема, лежащаго втунѣ и бѣгство отъ голода, на верхахъ митроносные владыки, сверкая камнями, а тутъ языческій обычай...

Какъ же это случилось, что свободный, какъ вѣтеръ, отъ природы толковый зырянинъ, не знавшій гнета, такъ печально отсталъ?

Вымскій уголокъ.

Изъ краткихъ набросковъ читатель уже знаетъ, что не смотря на богатѣйшія земли, разнообразныя природныя богатства, лѣса, руды на Вычегдѣ не сложилось цвѣтущихъ селъ, скорѣе напротивъ, на драгоцѣннѣйшей жемчужинѣ края, Коквицкой горѣ, гдѣ еще недавно хлѣбъ родился самъ двадцатъ, наблюдаются болѣзненныя явленія, многимъ земля стала тяжкой обузой, съ цѣлью избавиться—поля сдаютъ въ аренду или собравъ кое-какой урожай съ плохо вспаханной земли пропиваютъ, а сами айда побираться по ярмаркамъ!

Теперь я представлю бѣгло Вымскій край.

Первое крупное село по р. Выми—Серегово, двадцать верстъ выше Усть-Выми. Еще съ Вычегды виднѣются сереговскіе холмы, живописно всплывая надъ лѣсами. Чудные уклоны, одѣтые бархатомъ зелени, по которымъ сбѣгаютъ къ рѣкѣ большіе опрятно содержимые дома, разставленные правильными линіями, а внизу на самомъ берегу Выми курятся соляныя варницы.

Нѣкогда добычей соли занималась чудь, предки зырянъ, но два вѣка назадъ соляное дѣло взяли частные владѣльцы, заселивъ промыселъ пришлымъ славянскимъ элементомъ. Живя среди зырянъ, многіе сереговцы не понимаютъ зырянскаго звука и съ понятной брезгливостью относятся къ зырянской неряшливости.

Давно, когда въ бассейнѣ Выми стояли темные, дремучіе лѣса, сохранявшіе много влаги и прохлады, хлѣбъ родился плохо, часто вызябая. Въ такіе годы населеніе питалось «мякинниками» и корой съ незначительной примѣсью муки. Нужда обострялась такъ, что вымичане охотно отдавали за каравай хлѣба цѣлыя пожни.

Въ эти-то черные годы владѣльцы Сереговскаго завода скупили лучшіе луга по всей Выми на сто верстъ выше Серегова. Въ 1861 г. луга достались сереговскимъ крестьянамъ, бывшимъ крѣпостнымъ, которые и нынѣ косятъ вымскіе луга, трусятъ за сто верстъ, но больше продаютъ.

Въ сороковыхъ годахъ мин. вѣка вымскіе зыряне пробовали возвратить луга силой, но увы бунтовщиковъ связали, привезли въ Серегово, гдѣ имъ была устроена горячая баня,

измочалили воза три хвороста о зырянскія спины, а съ той поры возмущенія, какъ рукой сняло, зырянинъ скрылся за 50—100 верстъ отъ дому въ лѣса, гдѣ и страдуетъ сѣно по клочкамъ.

Справедливость требуетъ сказать, что и сереговцы не процвѣтаютъ, теряя мѣсяцъ и болѣе на ходьбу; заводскіе рабочіе крестьяне продаютъ луга. Живутъ въ Сереговѣ сравнительно исправно, промыслами на дичь здѣсь не занимаются, а не работающіе на заводѣ возятъ бревна, получая хорошую плату. Половину года ѣдятъ покупной хлѣбъ, хотя имѣютъ первосортныя поля.

Въ Сереговѣ около 40 лѣтъ просвѣщаетъ «образцовая земская школа», нынѣ два образцовые учителя и учительница, но въ строѣ жизни никакой перемѣны, никакого движенія къ свѣту, а поля прямо хошь бросай; только въ частушкѣ, которая гремитъ отъ сумерекъ до утра надъ Сереговской горой, да еще въ цинизмѣ сереговскихъ бабъ замѣтны слѣды школьной выправки.

Въ 5-ти верстахъ отъ Серегова дер. «Кошки» 40 дворовъ. Здѣсь просвѣщаютъ учитель и учительница, выстроено хорошее зданіе, но кошецкіе граждане настроены противъ подобнаго просвѣщенія весьма скептически.

12 верстъ выше Кошекъ дер. Половники. Здѣсь школа открыта первый годъ. Около деревушки зеленѣютъ небольшія полоски полей, окаймленныя песчаной грядой, на которой зеленѣютъ кудрявыми шапочками красноствольныя сосны. Тѣмъ не менѣе половницкіе мужики живутъ сыто, вполнѣ исправно: новые дома съ большими окнами, всѣ, какъ одинъ, затерялись въ чащѣ сосенъ, прорѣзанный Вымью. Въ каждой избѣ самоваръ, а у рѣдкаго мужика не схоронено въ подвалѣ какое-нибудь сбереженіе хоть сотня—двѣ на черный день.

По мѣрѣ того, какъ населеніе выбивается изъ-подъ гнета нужды, въ немъ просыпается потребность къ чистотѣ, развивается эстетическое чувство. Представьте въ Синдорской деревушкѣ, 70 вер. отъ д. Половники, въ рѣдкой избѣ не окрашены полы, въ горницахъ зеркала, стулья, а давно ли пора, когда вымичане загоняли зимой коровъ въ избы, очищая навозъ лопатами.

Далѣе вверхъ по Выми будутъ слѣдующія крупныя села: Княжпогостъ, Шошки, Онежье, Турья, Веслянское, а между ними

сиротливо ютятся на высокихъ берегахъ деревушки: Злоба, Кыркочь, Кересъ, Анюша, Отла, Кони.

Село Веслянское 80 дворовъ, не имѣющихъ сбереженій нѣтъ и полдесятка крестьянъ; остальные имѣютъ по тысячѣ и болѣе. Держатъ по 5 коровъ, но ни молока, ни масла почти не продаютъ.

Ниже Веслянскаго большое село Турья, гдѣ половина изъ 150 домохозяевъ пробивается кое-какъ, хотя тѣ же условія, но здѣсь былъ искони кабакъ, создавшій за пьяной и лѣнивой Турьей еще и репутацію вороватой. Въ Сереговѣ во время Ивановской ярмарки ежегодно ловятъ турьинскихъ воровъ; любопытно, что часто приводятъ къ уряднику и дѣвушекъ, уличенныхъ въ кражѣ.

За Турьей идутъ внизъ по Выми села Онежье и Шошки. Съ рѣки Выми на Шошецкую гору приходится карабкаться чуть не ползкомъ на отвѣсный крутикъ. За селомъ небольшая площадка полей, оттѣненная рѣдкимъ ельникомъ. Пройдя версту, передъ вами огромное болото, одѣтое на 50 кв. вер. желтоватымъ покровомъ мха. Съ помощью неглубокихъ канавокъ можно было бы обратить это болото въ хорошій покосъ, но пока шошецкіе мужики идутъ страдовать сѣно за сотню верстъ отъ дому въ лѣса, гдѣ живутъ съ Петрова дня и до Успенья не выходя, спятъ въ лѣсныхъ избушкахъ, съ утра до ночи надъ головой вымичанина носятся облака гнуса, тучи комара, мошки.

За то хоромы шошецкихъ мужиковъ не уступятъ средней руки помѣщика. Лицевая сторона дома саженей пять—семь. Здѣсь двѣ горницы и изба, а въ задней части дома одна изба и повѣть надъ дворомъ. Такія хоромины оцѣниваются въ полторы—двѣ тысячи рублей.

Лѣтомъ 1909 года проводили на Ухту «зимнякъ». На Выми не нашли ни одного человѣка, не взирая на то, что рабочему платили по 1 р. 30 к и даже 1 р. 50 к. въ день.

Годовой бюджетъ семьи, состоящей изъ 3—4 рабочихъ выразится приблизительно около 1,000 р., кромѣ рыбы, молока, масла, грибовъ, ягодъ. Около 500 р. даетъ заготовка бревенъ и столько же промыселъ на рябчика, бѣлку, звѣря. Съ Рождества Богородицы вымичанинъ забирается въ лѣсъ бить рябчика и бѣлку. Эта охота продолжается до конца октября. Въ ноябрѣ, онъ принимается за бревна, которыя возитъ весь де-

кабрь и часть января, а въ февралѣ надо опять собираться на весеннюю бѣлку, когда цѣлый мѣсяцъ приходится спать подъ елью. Въ апрѣлѣ сплавъ бревенъ... Словомъ двѣ трети года другой проводитъ въ лѣсу.

Не легка трудовая жизнь вымичанина, не дешево пріобрѣтены имъ сытость и довольство! Однако онъ въ этихъ суровыхъ условіяхъ лѣсной жизни находитъ свои краски и прелести, не только сглаживающія трудности и неудобства, но внѣ этихъ условій вымичанинъ почувствовалъ бы себя самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ!

Такъ всюду, гдѣ свободный трудъ сложился органически въ потребность жизни.

* * *

Шелъ восьмой часъ вечера, когда я выѣхалъ изъ села Усть-Вымъ въ Серегово. Изъ-за лѣса выглянула луна и въ ея серебристомъ свѣтѣ большіе неуклюжіе дома, гумна, амбары, кладухи, стоги приняли загадочный колоритъ, а надъ этимъ муравейникомъ жизни, сложившемся какъ попало, возвышается на холмахъ группа старинныхъ церквей съ желѣзными рѣшетками въ небольшихъ окошечкахъ.

Мы поднялись на Ибскую гору, откуда открылась картина еще болѣе захватывающая, еще болѣе величественная. Въ голубомъ сіяніи полярной ночи пять усть-вымскихъ церквей сошлись одна другой ближе, образовавъ сказочно-чудный городокъ, словно опустившійся изъ-за облачныхъ міровъ, на дымчатой пеленѣ, медленно ложившейся на покойную поверхность рѣки. Изъ-за лѣса всплываетъ коквицкая гряда, огибаемая Вычегдой верстъ на тридцать; на сѣверѣ волнятся сереговскіе холмы, показывая чудные овалы, а внизу подъ горой сплошь глухая, темная чаща, гдѣ бѣлѣетъ „Ляльская“ церковь, за ней вздымается правый берегъ Выми, на который лепятся косматыя ели, бросая страшныя тѣни.

Пять верстъ, не доѣзжая Серегова, лошади наши остановились вдругъ, бросаясь въ сторону. Оказалось поперекъ дороги лежали недавно срубленныя деревья.

— Ну, ну, не безпокойтесь, степенныя!—успокоилъ взбѣсившихся лошадей ямщикъ.—Въ этомъ году бѣлка проносная, такъ деревьевъ навалятъ страсть.

— Какъ деревьевъ навалятъ?—спросилъ я.

— Очинно основательно,— отвѣтилъ возница. — Летучее

сословіе эта бѣлка: все по деревьямъ прыгаетъ. Собака лаетъ на дерево, значитъ бѣлка схоронилась гдѣ-нибудь въ чащѣ, а не разглядишь ея мѣста жительства. Ну и рубятъ дерево, бѣлка мелькнула на другое... Бѣда, ежель въ ельникѣ стоитъ друга лѣсина, взглянешь шапка валится. Тутъ положишь деревъ полдесятка за одну бѣлку.

— По этой Выми охотникъ все фартовый, — продолжалъ разсказчикъ, — другой о кой пору баба кашу ставитъ въ печку съ крыльца сорокъ на рупь погубитъ, а бѣлку десятка три въ день убьетъ, почитай на красненькую. Жить можно въ нашемъ мѣстѣ, старательный человѣкъ деньгу зашибаетъ порядкомъ.

— Соляныя варницы курятся, — показалъ рукой ямщикъ на черные клубы дыма, вылетавшіе изъ-за Сереговской горы.

— Одинова самъ аркерей заходилъ въ варницу, постоялъ минуту и табакерку выронилъ изъ рукъ... чуть-чуть не помре: ежели съ непривычки, то отъ жары духъ не выдерживаетъ.

„Вы подолгу тутотки живете?“ спросилъ онъ солевара съ красными глазами.

„Раньше часовъ 26 подрядъ парились, не выходя, а другіе 20 часовъ отдыхъ. Нынѣ полегче, часовъ 12—13 въ сутки и на счетъ иждивенія стало лучше: прежде 7—8 рублей въ мѣсяцъ приходилось, а дровъ солеваръ бросалъ въ печь мѣрокъ пятнадцать въ сутки („мѣрка“ почти равняется куб. саж.), теперича жалованье 15 руб. въ мѣсяцъ и дровъ идетъ меньше“.

„Не было-ли“, спросилъ Владыко, „за вашими предками грѣха блуднаго?

„Нѣтъ, Владыко, они тутотки искупались. Дѣйствительно былъ блудливый „Яшка“, все за бросальщицей пріударялъ, такъ и тотъ оправдался: сорокъ годовъ подрядъ, не зная праздника, отдувался, потомъ оба глаза выгорѣли, а онъ еще двадцать лѣтъ варилъ съ оловянными глазами... Мелки пошли нынче людишки, скидаетъ бросальщица 5 куб. саж. въ варничное окно и раскисла“.

„А сколько же ей платятъ?“ поинтересовался архипастырь.

„Преже $4^1/_2$ коп., нынѣ пятачокъ за кубъ...“

Владыко разсмѣялся, такъ что подрясникъ на спинѣ лопнулъ...

— Стяжательный народъ!

— На хлѣбъ насущный будетъ, а бѣднота по здѣшней палестинѣ, какъ заяцъ, наполовину безъ соли пробивается.

— На заводѣ и безъ соли?

— Выварка соли обходится Гурлевой, Бѣляевской всего 15 к. пудъ, а продаютъ въ Сереговѣ 40 к. Большому кораблю, большое и плаваніе!

Въ послѣдніе 30 лѣтъ соль вываривается на половину менѣе, т. е. съ полмилліона пудовъ выварка упала до 200 тыс. въ годъ, несмотря на то, что сереговская соль имѣетъ самую „соль". Разумѣется, благодаря высокимъ качествамъ, она могла бы завоевать широкій сбытъ, но пока Бѣляевская, Гурлева не проявляютъ къ этому охоты, а напротивъ, въ Сереговѣ продаютъ такую грязь, что неудобно показывать на столъ.

* * *

Вотъ почему все сильнѣе крѣпнетъ и среди солеваровъ стремленіе къ землѣ, на свободное положеніе пахаря.

Раньше солеваръ смотрѣлъ на землю сквозь пальцы, но теперь и онъ требуетъ болѣе справедливое уравненіе и пользованіе общественной землей.

Странно, что изъ 150 домохозяевъ села довольныхъ надѣломъ почти нѣтъ, вѣчно клокочетъ ропотъ и зависть на неравномѣрное распредѣленіе. Въ воскресные дни этотъ ропотъ прорывается наружу.

— Всю планету пропили, — ворчитъ на базарѣ Неонила Махафкина,—всю, всю, некуда лукошка картошки разсадить.

Не выказывали недовольства лишь вдова Кукушка, да еще дядя Тихонъ.

Если по правдѣ сказать, то Кукушка и не нуждалась въ надѣлѣ потому, что благодаря чарующей наружности, около Кукушки всегда рой поклонниковъ ея женскихъ прелестей. Сосѣдъ Кукушки N, человѣкъ положительный, но и тотъ въ присутствіи ея таялъ, расправлялъ крылья, прихорашивался, теребилъ бородку. Тутъ ужъ, какъ говорится, ничего не попишешь, таково обаяніе женской красоты.

Совсѣмъ другое дѣло дядя Тихонъ. Всю жизнь онъ раздѣлывалъ поля, покосы, корчевалъ пни. Верстахъ въ семи отъ села облюбовалъ роскошный увалъ, гдѣ выстроилъ избушку, а рядомъ съ ней амбаръ. Въ концѣ концовъ онъ здѣсь и

поселился, приходя въ село лишь въ воскресенье, чтобы сходить къ обѣднѣ. Послѣ обѣда уходилъ къ себѣ въ свою обитель. Онъ не выносилъ праздничный разгулъ, да и хозяйство у него было исправно, сыновья въ порѣ, жили согласно, а согласіе всему голова, твердилъ дядя Тихонъ. Народъ все работящій какъ и самъ дядя Тихонъ. Разъ онъ запоздалъ въ полѣ, солнце на закатѣ, а работы много: „Ночую подъ суслономъ", рѣшилъ дядя Тихонъ и остался, а съ той поры все чаще ночевалъ подъ елью. „На ходьбу время зря идетъ", говорилъ онъ.

Амбаръ его представлялъ лѣсной музей: на полкахъ разные корешки и травки, имѣющіе цѣлебное значеніе, на полу развѣшена шкура медвѣдя, а по стѣнамъ шкурки зайца, горностая, крылья сороки, филины.

Разъ дядя Тихонъ спросилъ меня, показывая на крылья сороки:

— Куда идетъ это добро?

— На украшеніе шляпъ,—отвѣтилъ я.

— Мужики и бабы носятъ?

— Да, бабы.

— Чудно.

Съ той поры крылья сороки я не видѣлъ, а на вопросъ мой онъ сказалъ: „сорока вѣшицей летаетъ".

Однажды кузнецъ Беймолотовъ возвратилъ ему мѣшокъ муки, взятый взаймы весной, а день—два спустя пришелъ сосѣдъ съ просьбой продать мѣшокъ муки.

— Хлѣбомъ я не торгую, — сказалъ дядя Тихонъ, — а, буде надо, бери взаймы, но сосѣдъ просилъ именно продать и онъ уступилъ.

— Выбирай любой,—указалъ дядя Тихонъ рукой на рядъ мѣшковъ, возвращенныхъ заемщиками.

Скоро стало извѣстно, что дядя Тихонъ торгуетъ мукой съ пескомъ. Вотъ почему въ будній день онъ пришелъ изъ лѣсу и прямо въ церковь, гдѣ поставилъ такой налѣпокъ „Царицѣ Небесной утоли моя печали", что староста и батюшка вытаращили глаза.

На базарѣ галдѣли, что надо у дяди Тихона взять катаевскую „подчистку", но, голоса эти, не поддержанные общимъ сочувствіемъ, скоро смолкали въ холодномъ равнодушіи міра.

Особенно налегалъ на дядю Тихона Никола Длинный, имѣющій, какъ говорятъ на селѣ: „новы горницы оконицы худы и двѣ голландскія печи безъ трубы,—но природа вооружила его такими громовыми органами, что на сходкѣ, когда не заинтересованное прямо въ рѣшеніи большинство—не тянуло ни въ ту, ни въ другую сторону,—Никола Длинный рычалъ и подъ его раскаты склонялась воля «міра».

Говорили, что начальство благоволитъ дядѣ Тихону, самъ лѣсничій во время охоты останавливается на ночлегъ въ его избушкѣ, снабжая журналами и газетами, которые онъ въ часы досуга внимательно читалъ, а политическихъ дѣятелей зналъ всѣхъ въ лицо.

Дня за два до Новаго года, дядя Тихонъ всталъ еще ни свѣтъ, ни заря и, наложивъ на палку десятка три капкановъ, скрылся на лыжахъ въ лѣсъ, но только онъ достигъ своего «путика», какъ дорогу «пересѣкъ» заяцъ, да еще не просто, а присѣлъ, поглядѣвъ на дядю Тихона.

— Ахъ, косой!—вскрикнулъ дядя Тихонъ, сдѣлавъ движеніе «слѣвши на отмашь», хотя ясно предчувствовалъ, что добра нечего и ждать. «Вымскіе еретики знаютъ заговоры», вспомнилъ онъ и уже хотѣлъ согнуться головой до земли, чтобы взглянуть межъ ноги взадъ. Другіе смотрятъ. Говорятъ увидишь все, что будетъ, но дядя Тихонъ и этого не сдѣлалъ, а только плюнулъ черезъ руку наискось.

На этотъ разъ Богъ послалъ дядѣ Тихону такую добычу, что нѣсколько зайцевъ пришлось схоронить подъ снѣгъ. Надо сказать и въ амбарѣ его было немного мѣста; одного зайца сложено здѣсь сотъ пять штукъ, кромѣ куропатки, рябчика и др. мохнатыхъ и пернатыхъ обитателей.

Послѣ полдня дядя Тихонъ отправился домой на село, но проходя мимо дома кузнеца Беймолотова, его остановили слова:

— Дядя Тихонъ, а дядя Тихонъ, пойдемъ къ заводчику, сегодня тамъ зюзюкнемъ, буль-буль... Лапинъ то же сулилъ на ведро... Всѣ идутъ,—добавилъ Беймолотовъ.

Дядя Тихонъ вздрогнулъ, словно и въ самомъ дѣлѣ кто «зюзюкнулъ» ему въ шею, на лицѣ его скользнуза блѣдная тѣнь.

— Всѣ идутъ,—проворчалъ дядя Тихонъ, а какой мнѣ указъ—всѣ.

Надо сказать, что призывъ этотъ раздается не впервые. Выходя изъ церкви Беймолотовъ не упускаетъ случая, чтобы не грянуть вслѣдъ ему свое приглашеніе, сопровождая слова громкимъ хохотомъ.

— Какъ ржетъ,—проворчитъ дядя Тихонъ, не баливало горло. Но когда Беймолотовъ проситъ у него мѣшокъ муки взаймы, дядя Тихонъ не отказываетъ, а только скажетъ:— что ржешь, какъ жеребчикъ двухъ по третьему, а у самово сѣдина въ бородѣ.

За пьянство дядя Тихонъ не любилъ Беймолотова.—Изъ помойнаго ведра вылачетъ,—морщится дядя Тихонъ, а руки золотыя: капканъ, косу или топоръ смастеритъ на славу.

* * *

Послѣ хорошей бани, дядя Тихонъ сидѣлъ за столомъ передъ большимъ самоваромъ и чувствовалъ себя помолодѣвшимъ.—Какъ будто тридцать лѣтъ жизни упали съ плечъ,— говорилъ онъ.

Въ то самое время, когда дядя Тихонъ наслаждался прелестями отдыха подъ окномъ раздались удары палкой о стѣну, сопровождаемые криками.

— Дядя Тихонъ на сходку, уравненіе!

Въ послѣдніе четыре мѣсяца только и говорили объ уравненіи. Были избраны «добросовѣстные», казалось представлявшіе гарантіи абсолютной справедливости. Еще ранней осенью ими была сдѣлана опись сѣна въ стогахъ, а затѣмъ «уравненіе» тянулось не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, о чемъ Кукушка и Неопила усердно звонили, отмѣчая о визитахъ «добросовѣстныхъ» къ желающимъ получить при уравненіи по-больше и доброту. Въ сущности еще за долго до сходки уравненіе было сдѣлано, произведенъ нѣкоторый обмѣнъ земли: пожня «Чукля Мукля» Ваньки Каина, на которую давно «зарился» Сашка Плѣшко досталась послѣднему, а добротное поле Сашки Плѣшки на «Клюкѣ», на которое много лѣтъ «грызъ зубъ» Ванька Каинъ отошло отъ Плѣшко къ Каину. Такимъ образомъ двѣ трети морально были удовлетворены; хотя другой и получилъ отъ такого обмѣна весьма сомнительныя выгоды даже проигрывалъ.

Самое же главное въ «уравненіи»—это изобрѣтательность «добросовѣстныхъ», которые, рѣшивъ блистательно сложнѣйшую проблему, выгодали изъ общей земельной массы «излишекъ» поженъ на 30 копенъ, что и предстояло рѣшить на сходѣ.

— Не пойду,—проговорилъ дядя Тихонъ, отбирать у меня нечего, развѣ «Катаевскую» подчистку? Но какъ же взять подчистку? Вѣдь я робилъ, потѣлъ, корчевалъ пни?

— Василій,—обратился дядя Тихонъ къ сыну, сходи, буди хошь, послушай, но Василій тоже отказался, сваливая на отца:—ты хозяинъ, а я что тамъ буду дѣлать, пьяный хороводъ глядѣть?

Слова эти подѣйствовали на дядю Тихона; измѣнивъ рѣшеніе, черезъ полчаса онъ уже входилъ въ волостное.

Въ огромной комнатѣ пахло махоркой, потомъ, полушубками, а въ этой удушливой смѣси, галдѣли взъерошенныя головы, показывая въ облакѣ дыма клочья волосъ, словно поднимавшіеся отъ ужаса шума и гама, гдѣ нельзя было уловить ни одного яснаго звука, только въ острые моменты рѣшенія того или другого спора, когда, чтобы окончательно парализовать не угодное мнѣніе, Никола Длинный открывалъ клапаны, испуская раскаты грома, въ коихъ окончательно смолкалъ голосъ противника.

Послѣдній, какъ карась на пескѣ, безпомощно моталъ руками, производилъ языкомъ движенія, словно прося правды и милость неба, дико сверкалъ глазами по сторонамъ на возбужденныя тѣни толпы, ища сочувствія, но увы, не встрѣтивъ отклика на свои законнѣйшія требованія, стушевывался, тонулъ въ облакѣ дыма, слегка волнившемся подъ звуковыми вибраціями Николы Длиннаго.

Въ смежной съ главной комнатой кипятилась Неонила Махафкина, приводя довольно крѣпкія слова, такъ что правленскій котъ, лежавшій кренделемъ на шкапѣ за балотировочнымъ ящикомъ, поднималъ голову, какъ бы давая знать: зря шумишь ты о, Неонила!

— Всю планету пропили, всю,—гремѣла Махавкина «лишки» земли стало, опять кассиру, да Лапину пропили, а весной будутъ сами же вымаливать у Лапина пудъ сѣна по полтинѣ. Ахъ, пресвѣтлые сенаты, отводила душу Неонила, Лапина въ общество приняли, весь кряжъ и седняй ему пропили, сто возовъ сѣно ставитъ, а тутъ на одново барана не соберешь, лукошко картошки не куда разсадить... Павла Молина сулила тѣ же десять рублей въ годъ за седняй не дали, а все кассиру, да Лапину.

— Ты, Неонила, не форси на голенищахъ,—пробасилъ

Никола Длинный, поворачивая трубу изъ-за головы кассира на дверь другой комнаты, гдѣ на просторѣ упражнялась Неонила.

Съ появленіемъ дяди Тихона содомъ нѣсколько пріутихъ.

— Что же,—прервалъ Сашка Плѣшко, надо взять въ опись и «Катаевскую» дяди Тихона, будетъ, повладѣлъ.

— Пора,—поддержалъ Никола Длинный и опять работа вошла въ дѣловое русло.

Толпа въ главной комнатѣ замѣтно рѣдѣла, взъерошенныя головы исчезали черезъ сѣни въ избу, гдѣ шло угощеніе и скоро дѣловое настроеніе приняло веселый характеръ.

— Мужики все вылачуть,—доносились звуки Кукушки, Неонилы, Енавы.—Что пропадать зря, клюнемъ по единой!

— Дядя Тихонъ стоялъ въ опустѣвшей комнатѣ, какъ оглушенный ударомъ. Онъ понималъ, что не худо въ такихъ случаяхъ посулить на ведро, но, постоявъ въ оцѣпенѣніи, поплелся домой.

Выходя изъ волостного онъ увидѣлъ хороводъ у крыльца.

«Во пиру-то была, да во бесѣдушкѣ
Я не медъ пила, да я не патоку...

Выводила Неонила, обнявшись за руку съ Кукушкой.

«Не опротестовалъ бы кто въ газетахъ», остепенилась Неонила, но скоро семенила ногами:

«Ахъ, да промежъ двухъ бѣлыхъ березъ,
Рѣчка протекала!

— Къ земскому!—кричала толпа.—Не признаемъ «уравненіе». Алхимики! Не было ни деньги, да вдругъ полушка. Тридцать копенъ «излишекъ!?» А, каково?

— Своякъ, а своякъ,—чуть-чуть колеблясь, сидя на полѣнницѣ, говорилъ полушубокъ,—а вѣдь, на сходкѣ правды нѣту: дай на четвертную и повернешь всю планету куды-те угодно.

— На сходкѣ,—оживился своякъ,—да я-те скажу прелюбезное дѣло, особливо коды взлетишь подъ градусы.

— Не то, своякъ,—перебилъ полушубокъ,—ежели и во градусѣхъ, а ты обязанъ свое поведеніе соблюдать.

— Я!—встрепенулся своякъ,—ни за что! Да теперича я не покорюсь, будь хоша самъ енералъ исправникъ!

— Усумнишься, кумъ,—прозвучалъ гдѣ-то голосъ.

— Спасуетъ,—замѣтилъ другой,—передъ начальствомъ до ково хошь доведись, остынешь.

— Я спасую!?—сдѣлалъ отчаянный прыжокъ своякъ.—Тю!

Въ Новый годъ послѣ обѣда дядя Тихонъ тотчасъ же на-

мѣревался скрыться въ свою обитель. Хотя распашки у него было много, но все же до боли жаль «Катаевскую». «Лучше бы палецъ на рукѣ далъ отрубить», вздыхалъ онъ.

Въ такомъ именно настроеніи засталъ дядю Тихона отецъ Василій, пришедшій со славой.

Незамѣтно въ разговорѣ о. Василій склонилъ дядю Тихона выпить для праздника рюмочку, подкрѣпивъ свои доводы вѣсскими мотивами духовнаго свойства.

Дядя Тихонъ опрокинулъ одну рюмочку, ну, понятно, что называется осоловѣлъ, но послѣ обѣда удалился въ свою избушку. Уже смеркалось, а когда онъ вошелъ въ лѣсъ и совсѣмъ стемнѣло.

Раздался звонъ колокольчика, а скоро догнала его лихая пара содержателя ямщины, Митрія.

— Дядя Тихонъ, садись, подвезу!—крикнулъ Митрій.

— Спасибо, Митрій Ивановичъ.—поблагодарилъ дядя Тихонъ и улегся въ покойныя сани Митрія, но въ ту пору онъ какъ-то не смекнулъ, что почтовый трактъ въ сторонѣ и ѣхать Митрію тутъ незачѣмъ.

Мелькали сѣдыя косматыя ели, словно привѣтствуя необычайный поѣздъ дяди Тихона. Трудно достовѣрно сказать, какъ долго ѣхалъ дядя Тихонъ, но вотъ пара подкатила къ замку, утопавшему въ морѣ огней. Дядя Тихонъ очутился въ залѣ, заставленной столами съ закусками и винами, сверкавшихъ въ хрустальныхъ графинахъ. За столами сидѣли гости, въ числѣ коихъ онъ узналъ Беймолотова, Николу Длиннаго, писаря Шашева въ красной рубашкѣ, Плѣшко, Неонилу.

У дяди Тихона пробѣжали по спинѣ мурашки и онъ мотнулъ головой въ сторону, гдѣ увидѣлъ кучи народа, въ числѣ коихъ онъ узналъ Милюкова, Маклакова, на спины коихъ карабкались еврейчики.

— Не такими людьми, какъ Гиршфельдъ, заполняются тюрьмы, — произнесъ Маклаковъ, оправдывая адвоката-еврея, присвоившаго 60 т. р.

— Какими же?—изумился дядя Тихонъ и такъ повеселѣлъ, что тоску по «Катаевской» подчисткѣ какъ рукой сняло. Пожалуй эти молодцы еще почище нашихъ горлановъ облапошатъ,—заключилъ дядя Тихонъ.

— Предоставляйте намъ столечко-немножечко портфели уфъ министра финансовъ и внутреннихъ дѣлъ и вы узнаете, какъ мы обновляемъ сгнившево строй Россіи.

Изъ другой толпы поднялась рука съ тремя пальцами, сложенными въ фистульку.

— Пфуй, а что вы себѣ думаете, а? Октябришты? Негоднова средства. Націоналишты или уфъ безсознательново черношотенники!? А уй!—взвизгнулъ еврейчикъ.

Вниманіе дяди Тихона отвлекла картина, гдѣ варшавскіе жиды, поставляющіе лубочные сапоги на интендантство, что-то неистово галдѣли, покупая у рыночныхъ евреекъ солдатскіе сапоги и снова отсылая въ интендантство.

Но тутъ случилось то, чего никто не могъ бы предвидѣть: въ сторонѣ отъ галдѣвшей толпы, дядя Тихонъ увидѣлъ самого себя, сидящимъ на свадьбѣ у сына, когда то же онъ, пропустивъ рюмочку, потянулся къ родной сватьѣ Ѳеклѣ цѣловаться! Дядя Тихонъ покраснѣлъ. «Тьфу, что дѣлаетъ окаянный съ человѣкомъ, но въ это время раздался раскатъ грома, заставившій его оглянуться на другой конецъ зала, гдѣ на тронѣ возсѣдалъ властитель ада.

— Небывалый гость прикатилъ!—загоготалъ властитель.— Дядя Тихонъ разрѣшилъ!!? Оказать ему двойной почетъ!

Толпы слугъ съ рожками и хвостиками мигомъ обставили его графинчиками, закусками.

— Выкушайте, дядя Тихонъ, просили слуги.

— Не пью, благодарствуйте, — отнекивался онъ, но про себя подумалъ: «стану я вашу бѣсовскую погань пить».

— Дядя Тихонъ, — хихикнулъ зелененькій чертенокъ, — какъ будто сегодня чуточку юкнулъ...

Тутъ дядя Тихонъ впервые на своемъ вѣку покривилъ душой и такую почувствовалъ боль, что трудно описать.

— Эхъ-ма, дядѣ Тихону почетъ, — пронеслась мимо него Кукушка, обнявшись съ писаремъ Шашевымъ. — На отдѣльномъ столикѣ!

Дядя Тихонъ сдѣлалъ энергичное движеніе ногой, раздался звонъ битаго стекла: упала съ койки на полъ чайная чашка.

— Дьявольское навожденіе,—плюнулъ дядя Тихонъ, и наложивъ на палку капканы, скрылся въ лѣсу.

* * *

Морозъ становился все сильнѣе. Въ безпредѣльной глубинѣ неба ярко мигали звѣзды, сверкая надъ селомъ Шошки, заваленномъ сугробами. Снѣгъ искрился бриллiантами, словно разсыпанными щедрой рукой Создателя.

Мужики уже больше мѣсяца живутъ въ лѣсахъ. Опустѣло село; остались старый, да малый, коротая долгій зимній вечеръ. Нѣтъ обычнаго оживленія, сопровождаемаго пѣсней молодежи и гармоникой. Все присмирѣло, притихло, словно боясь своей тѣни. Прозвучитъ голосъ дѣвушки съ прялкой, мелькнувшей на вечеринку, гдѣ усѣвшись на скамьи и по лавкамъ сидятъ ея подруги, слушая разсказы бабки Анисьи про колдуновъ, вѣщицъ.

«Много годовъ той порѣ, — медленно произноситъ слова Анисья,—въ Кошкахъ на горѣ стоялъ одинъ одинешенекъ большой старый домъ, гдѣ жили Егоръ, да Марья.

«Въ самую полночь, Марья вылетала сорокой изъ трубы и часомъ въ Кіевъ-градъ на помелѣ...»

Поднялся невообразимый переполохъ; дѣвушки, положивъ прялки, съ замираніемъ сердца смотрятъ въ окна на улицу, гдѣ неожиданно, словно изъ земли, выросла мохнатая куча, человѣкъ въ совикѣ, шагая прямо къ дому. Щелкнуло колечко на крыльцѣ, дѣвушки съ визгомъ на печку и подполье, произнося: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Но черезъ минуту всѣ съ шумомъ выбѣгаютъ на дворъ, человѣкъ въ совикѣ летитъ кубаремъ въ сугробъ, дѣвушки душатъ пугало, а совикъ только рычитъ отъ давки и щекотки.

Натѣшившись до-сыта, дѣвушки исчезаютъ въ огромной и теплой избѣ, откуда скоро снова выходятъ, между тѣмъ, какъ совикъ разсказываетъ собравшейся около него толпѣ бабъ, парней и дѣвушекъ:

— Чудные люди въ Княжпогостъ наѣхали.

— Ну, едреные?

— Страсть. Иностранцы: Уемлянинъ и Берка. Возьметъ эта Берка-то изъ корзинки золоту коробочку и ловитъ оттуда не то лягушекъ, не то раковъ и цѣликомъ въ ротъ, а пуза у нихъ—во, — развелъ руками совикъ.—Уемлянинъ опять изъ бутылки въ подволоку палитъ.

— Казенку пьютъ.

— Нѣту, красное; а казенку, такъ накачаютъ чайный сосудъ и опрокидаютъ. На закуску по цѣлой рыбѣ глотаютъ, только на здѣшней землѣ имъ воли не дадено, а коцы дома, не хуже папы римсково крутятъ.

— А молятся по нашему?

— Какое,—махнулъ рукой совикъ,—потрясутъ бутылочкой, побрызжутъ на себя, какъ нашъ попъ о Крещеньѣ или Рождествѣ, по всей избѣ баской духъ пойдетъ, потомъ по-

кривляются передъ зеркаломъ и спать. Сусѣдушка душитъ здорово, наваливается...

— Ну!?

— Упаси Богъ! Ревутъ во снѣ, какъ боровы.

— Говорятъ, такихъ онъ любитъ?

— Страсть обожаетъ... Горланятъ во-всю: стой, полегче, окаянная сила...

* * *

Въ глухой чащѣ на рѣчкѣ Чубъ весело трещатъ костры, освѣщая дремучее царство елей чудной иллюминаціей.

Взлетаютъ фонтаны искръ, падающія золотымъ дождемъ на лагерь, расположившійся подъ навѣсомъ косматыхъ великановъ. На минутку гаснетъ ослѣпительный миражъ, молодежь набрасываетъ на костры цѣлыя кучи сухой хвои, голые, костлявые сучья, обросшіе сѣдиной; показываются черные клубы дыма, взвиваясь высоко, обдавая копотью, осыпанныя снѣгомъ деревья, но черный потокъ дыма вдругъ оборвался, и моментально вся гора вспыхиваетъ, огненные языки поднимаются почти въ уровень лѣса; снова летятъ сучья на огонь, въ чащѣ вьются золотистыя змѣйки, несутся каскады искръ, осыпая потухающій пейзажъ.

Вѣтренная юность и въ этой обстановкѣ предается безшабашному веселью: пѣсня, гармоника, крики ура.

Нѣсколько въ сторонкѣ отъ костровъ заиндевѣвшія лошади лѣниво жуютъ сѣно, глядя на оживленный муравейникъ.

Въ шалашахъ, устроенныхъ подъ елями, бесѣдуютъ зыряне, разогрѣвая на огнѣ шаньги, здобнички, завезенные изъ дому еще на Рождество; нѣкоторые варятъ мясо, рыбу или поджаривая тетерьку.

Мозолистая рука опускаетъ въ пѣнящійся котелокъ кусокъ масла вѣсомъ фунта полтора, засыпая ячневой мукой. Кашу эту ѣдятъ, какъ лакомое блюдо.

Ужинъ готовъ, клокочущіе котелки ставятся на „чурку“, замѣняющую столъ, вокругъ котораго усаживаются зыряне на такія же чурки.

Въ то время, какъ старикъ Трошевъ достаетъ схороненный въ сѣно четвертной боченокъ съ „казенкой“, сосѣдъ его „служивый“ Габовъ рѣжетъ ломти хлѣба, опуская въ котелъ съ мясомъ.

— Мало,—произнесъ Трошевъ, покачавъ боченокъ, извле-

ченный изъ сѣна.—На крещенье домой,—кряхнулъ Габовъ, осушая чайную чашку.

— Да, какъ Богъ,—отозвался Трошевъ.

Долго тянется ужинъ; за щами появилась тетерка, потомъ здобнички, шаньги, а на „верхосытку“ каша, приготовленная на маслѣ.

— Экъ, вѣдь, водка возвеличиваетъ человѣка,—замѣтилъ служивый.

— А перевалилъ на градусъ и шабашъ,—сказалъ Трошевъ, по этому пункту и на праздникѣ уродуемся.

— Топеря вотъ въ Питерѣ, объяснилъ служивый, казенку то-же весьма предпочитаютъ, а только, чтобы драки на улицѣ въ заведеніи нѣтъ: потому народъ поджарый, солома. Нынѣ все „елка“, а на Невскомъ людей, людей.

— Ну, движеніе?

— Представленіе свѣта подобно. И чево, чево нѣтъ: пряники, булки...

— А кисель гороховый то-же торговки продаютъ?

— Кисель?—улыбнулся служивый, да тамъ эту гороховую націю и въ счетъ не кладутъ. Ежель по знатнѣе какая степень такъ больше все подсолнухи щелкаетъ, особливо горничное сословіе: шику придаетъ.

— О сю пору дома дѣвки кружатся,—вздохнулъ Ваня, сынъ Трошева, бросая на огонь сучья. Вечеръ на посидянкѣ, а въ полночь на гумно, въ овинъ слушаться. Страшно.

— На прорубѣ страшнѣе,—перебиваетъ его товарищъ.—Самъ водяной показывается.

Широко зѣваетъ служивый,—насыпая махорку на бумагу. Наложивъ дрова на костеръ, онъ укладывается на солому, разостланную въ шалашѣ, гдѣ уже устроился Трошевъ.

Молодежь по-прежнему предается веселью. Въ сгустившейся тьмѣ ночи мелькаютъ свѣтлыя точки, разсыпаясь въ холодной, тяжелой массѣ, висѣвшей надъ лагеремъ на множество звѣздочекъ; рѣютъ въ воздухѣ чудными переливами розовыя струйки; косматыя ели, увѣшанныя сосульками льда и снѣга, загораются, сверкая бриллiантами, новые крики ура, каскады искръ, бросая ослѣпительный блескъ.

Старикъ Трошевъ ежится, морозъ забѣгаетъ подъ совикъ, забирается въ пимы, поднимая мохнатую голову.

Слабо мерцаютъ костры, угомонилась и беззаботная юность, забившись въ шалаши, закрытые хвоей и соломой.

На сѣверѣ пробѣгаютъ полоски свѣта, опоясывая небосклонъ, таинственные лучи все ярче и ярче, заливая дремучую чашу сѣвера голубымъ сіяніемъ; источники свѣта усиливаются, разгораясь въ колосальные столбы, колеблющіеся, вздымаясь выше, а въ самомъ куполѣ неба играютъ радужные отблески, сплетаясь въ дивный вѣнокъ, завершающій эту во истину величественную картину.

Трошевъ долго и пристально разглядываетъ знакомое явленіе природы, какъ бы стараясь открыть новое.

— Стужа будетъ,—произноситъ онъ, направляясь къ лошади и, давъ ей воды и сѣна, укладывается на свое ложе. Въ полудремлющемъ сознаніи воскресаютъ наиболѣе яркіе моменты его долгой трудовой жизни. Ежель успѣемъ къ крещенью кончить вывозку, то хорошо бы дома попариться въ банѣ! До 300 надо еще два десятка бревенъ вывезти. Въ стары годы это шутя сдѣлалъ бы; нынѣ лѣсу не стало, все вырублено, ѣздимъ за бревномъ десять верстъ и то хорошихъ бревенъ мало, а прежде у самой рѣчки и рубили, почти возить не надо. Очистили лѣса здорово и рябчика меньше. Опять вернутся „черные годы?“ Трошевъ вздрагиваетъ, поднимаетъ руку, тѣсно приближаясь къ своему Ванѣ, зарывая его ноги сѣномъ. На мой вѣкъ хватитъ, не много ужъ осталось, а, вѣдь, въ концѣ февраля надо и на весеннюю бѣлку. Надо, схожу еще и Трошевъ приготовляетъ нарты (легкія санки), на которыя укладываетъ хлѣбъ, масло и айда за бѣлкой, несущейся въ глубь сѣвера потокомъ. Опять мѣсяцъ спать подъ елью, но онъ идетъ, таская день-денской за собой нарты, такъ умаивается, что съ цѣлью облегчиться, бросаетъ черенокъ отъ шила! Къ Пасхѣ надо безпремѣнно быть на катищѣ, пасха нынѣ поздняя, да надо и онъ вьетъ еловыя вицы, разогрѣвая на огнѣ. Съ часу на часъ ожидаетъ скоро-ли вскроется Чубъ, бродитъ въ холодной водѣ, связывая вицей бревна. Трудное дѣло связывать на водѣ оледенѣлыя бревна! Но это ничего, привычное дѣло, голодъ не тетка! Колдунъ въ здѣшнемъ мѣстѣ большую власть на человѣка имѣетъ, много изводитъ людей...

Трошевъ поднимается, бросая на чуть тлѣющій уголь дрова; отчетливо слышна жвачка лошадей, нарушая покой, царящій въ лагерѣ.

Ваня ежится, холодъ проникаетъ за рубашку, обдаетъ ледянымъ дыханіемъ, по всему тѣлу пробѣгаютъ „мурашки“,

но онъ кутается по-теплѣе, отецъ накидываетъ на него полость и снова длинной вереницей проходятъ передъ нимъ живыя картины дѣтства.

Чуть замѣтно клубятся волны дыма, разстилаясь по лѣсу; поплыли въ морѣ тумана косматыя ели, показывая страшные, костлявые сучья, тянутся къ свѣту голыя остовы—деревья, словно прося помощи возврата къ жизни.

Разведя снова костеръ, Трошевъ долго и пристально смотритъ на небо:—появилась утренняя звѣзда, пора за кашу,—говоритъ онъ, направляясь къ рѣчкѣ, гдѣ, побрызгавъ ледяной водой лицо, утирается толстымъ полотенцемъ, а потомъ, зачерпнувъ котелкомъ воды, ставитъ его на огонь.

— Ваня, вставай,—будитъ Трошевъ сына, довольно покуражился!

— Ну, ну пошевеливайся, каша ждать не станетъ! Живо, а то и Крещенье придется прокладаться здѣсь!

Ваня встаетъ, сбрасывая туманъ полузабытья, лѣниво почесавшись, шагаетъ къ рѣчкѣ.

— Ничево, славный выйдетъ работникъ,—думаетъ Трошевъ, глядя вслѣдъ за Ваней. Силенъ, восьмивершковое бревно, одинъ на дровни заброситъ играючи, какъ жердь. Откормленъ, нужды не видѣлъ. Лицо Трошева принимаетъ счастливое выраженіе. Солона наша копейка, а ежели человѣкъ въ порѣ въ милліонъ разъ лучше! Этотъ медвѣжонокъ Богъ дастъ вынесетъ, ежель на колдуна не нарвется: много худой народъ порчи чинитъ людямъ.

Разсѣялся предутренній туманъ въ ясномъ, бирюзовомъ просторѣ неба.

— Служивый—Габовъ все еще „прохлаждается“ въ шалашѣ. Морозъ настойчиво проникаетъ за армякъ, шубу, безпокоя „службу“. Въ головѣ Габова бродятъ впечатлѣнія гвардейской жизни; по выходѣ изъ полка ему была должность швейцара на Гулярной.—Кто видѣлъ свѣтъ—тяжело возиться съ бревнами,—размышляетъ служивый „вышелъ бы въ люди“. Въ день увольненія рано утромъ Габовъ „зарядивъ для храбрости“ рапортуетъ командиру: — Вашбродіе, какъ я имѣю предметъ,—то позвольте остаться. Послѣ рапорта Габовъ труситъ въ „Золотой якорь“ пропустить на радости.—Водка возвеличиваетъ человѣка,— бормочетъ „служивый“. Но тутъ предметъ, щелкающій для шику сѣмячки. Габовъ млѣетъ, галантно расшаркиваясь.

— Служивый,—весело крикнулъ Ваня, охлаждая дыханіемъ комокъ горячей каши на ложкѣ, вставай, а то и Крещенье тутъ—прокуражишься!

Ухтинская нефть.

Послѣ предпріятія Сидорова, погибшаго въ семидесятыхъ годахъ минувшаго вѣка въ безславной борьбѣ съ мелкими самолюбіями и канцелярской рутиной объ „Ухтѣ", какъ будто забыли.

Въ 1889 г. на Ухту снаряжается экспедиція подъ руководствомъ академика Чернышева, который научно устанавливаетъ нефтеносность земель бассейна Ухты, а правительство, признавъ всю площадь „завѣдомо нефтеносной" закрываетъ ее для частной предпріимчивости; хотя на Ухту идетъ почти безпрерывное движеніе „предпринимателей".

Въ 1893—1896 гг. подрядъ въ теченіе трехъ лѣтъ ѣздилъ на Ухту: Галинъ, фонъ-Вангель и К°.

Галинъ завозилъ на Ухту буравчики, сдѣлалъ неглубокую скважину и убѣдившись, что нефти на Ухтѣ сколько душѣ угодно, оставилъ „дальнѣйшее буреніе".

Были слухи, что такое прекращеніе „не успѣвши начать" объясняется неассигнованіемъ компаньонами Галина кредита или ассигнованіемъ въ ограниченномъ размѣрѣ, а наши инженеры, весьма слабые въ своей спеціальности, привыкли къ широкой жизни.

Только бакинскіе эксцессы 1905 г. потревожили покой, царившій на Олимпѣ власти. Въ интересахъ скорѣйшаго развитія нефтяной промышленности на Ухтѣ, признано полезнымъ открыть нефтеносныя земли для частной иниціативы. Съ цѣлью растормошить русскую спячку стали выдавать „дозволительныя свидѣтельства" на развѣдки каждому кто въ состояніи уплатить 37 р. 50 к.

„Нефтяныхъ дѣлъ мастеръ", Статистикъ въ „Нов. Вр" даже рекомендовалъ: „отдать Ухту кому бы то ни было и какъ бы то ни было, лишь бы только разогнать бакинское гнѣздо"...

Но оставимъ г. Статистика и его планъ: подъ давленіемъ тревожныхъ событій мало-ли какія могли родиться идеи, особливо на скорую руку.

Даже и на предложенныхъ условіяхъ отъ желающихъ за-

няться разработкой нефтяной промышленности на Ухтѣ прямо не стало отбоя...

Сколотивъ кое какъ означенные 37 р. 50 к. „предприниматель“ водружаетъ на избранномъ участкѣ столбъ (участокъ 37½ дес.) съ иниціалами, прося нефтяной отдѣлъ о выдачѣ „дозволительнаго на развѣдки свидѣтельства“. Если въ теченіе 3-хъ лѣтъ къ развѣдкамъ приступлено не будетъ, то предприниматель теряетъ право на участокъ; въ противномъ случаѣ онъ проситъ объ отводѣ ему земли для дальнѣйшихъ работъ.

Казалось планъ правительства удался блестяще; мелкая мошка, какъ то: канцелярскіе чиновники, инженеры, исправники, облѣпила ухтинскій горизонтъ. Но потревоженное революціей русское море выбросило и болѣе крупную акулу въ лицѣ капитана лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка г. Воронова.

Послѣ его появленія на Ухтѣ всѣмъ стало ясно, какъ на ладони, что теперь ничто уже не остановитъ ухтинскій прогрессъ.

Повидимому не легко достался „подъемъ“ и нефтяному отдѣлу. Какъ то въ февралѣ 1907 г. я заходилъ въ отдѣлъ узнать о нефтяныхъ перспективахъ, разгоравшихся на Ухтѣ.

— Некогдо, некогда,—сдѣлалъ безнадежный жестъ рукой какой-то бумажный производитель и быстро семеня ногами исчезъ на поворотѣ въ безконечномъ корридорѣ главнаго штаба.

Не много спустя производитель остановилъ меня словами:— минуты двѣ могу вамъ удѣлить...

— Одно скажу, что дѣло открытія нефти на Ухтѣ въ надежныхъ рукахъ г. Воронова. Правда, добавилъ производитель, г. Вороновъ капитанъ, но представилъ настолько солидныя гарантіи, что сомнѣваться въ несерьезности можетъ только слѣпой...

Г. Воронову предоставили 1200 десятинъ нефтеносной земли, взявъ съ тороватаго капитана обязательство сдѣлать скважины глубиной около 1000 саж., при чемъ двѣ скважины, глубиной по 200 саж. должны быть эксплоатаціонныя, остальныя—развѣдочныя.

Въ 1907 г. г. Вороновъ завезъ на Ухту разныхъ машинъ, трубъ и др. инструментовъ около 400 пуд. Однако приступить къ буренію въ 1907 г. не успѣлъ и лишь въ 1908 году дѣлаетъ скважину до 27 саж. глубины, но въ то же время ненасытный капитанъ занимаетъ новыя земли, ставитъ новые столбы. Казалось бы 1200 десятинъ и довольно на первый случай, но большому кораблю—большое и плаваніе... На сѣверѣ прошли слухи, что милліоновъ у капитана

куры не клюютъ. Естественно тѣсниться на 1200 десятинъ какъ-то было ему и неудобно... Въ 1909 году на промыслѣ капитана царило все лѣто зловѣщее затишье. Лишь въ концѣ августа г. Вороновъ мелькнулъ не надолго на ухтинскомъ горизонтѣ, поглядѣвъ на сильно покосившееся сооруженіе, которое сумасшедшая Ярега угрожаетъ весной 1910 года унести въ безпредѣльный океанъ, и скрылся.

На самомъ дѣлѣ капитанъ организовалъ «Архангельское нефтяное общество», гдѣ онъ участвуетъ въ небольшой долѣ. Говорили, что за спиной капитана орудуетъ нечистая сила въ лицѣ Нобеля, но это къ слову.

Какъ выше отмѣчено въ теченіе трехъ лѣтъ горячей работы удалый предприниматель пробурилъ 27 саж. значитъ, если дѣло и впредь пойдетъ тѣмъ-же ходомъ, то обусловленные 1000 саж. капитанъ пробуритъ лѣтъ черезъ 100... Ну, это еще хорошо...

Нынѣ, по слухамъ, капитанъ за границей, а весной, вооружившись иностраннымъ золотомъ, намѣревается снова двинуться на Ухту.

Загадывать впередъ мы не беремся, весьма возможно, что блестящій капитанъ и оправдываетъ надежды, возлагавшіяся на него Россіей, но убаюкиваться иллюзіями то же не слѣдуетъ, а цѣлесообразнѣе было бы въ вѣжливой формѣ предложить капитану, что онъ думаетъ предпринять на занятыхъ земляхъ? Когда именно будетъ пробурена скважина до обусловленной глубины?

Но капитанъ Вороновъ за границей и гдѣ въ настоящее время пропадаетъ удалая голова, кромѣ Бога никто ничего не знаетъ...

Г. начальникъ Вологодской губ. А. Н. Хвостовъ, призывая устюгское купечество вложить свои капиталы на развитіе нефтяного дѣла на Ухтѣ, проговорился, что тогда кончилось бы владычество нефтяныхъ королей Нобеля и Ротшильда; однако никто изъ устюжанъ не вложилъ даже ломанаго гроша.

Не трудно предсказать, что стоитъ Нобелю смести эту мошку съ ухтинскаго горизонта выдавъ по красненькой на брата?

Наставивъ столбы въ 1907 г., эта мелкая братія въ 1908 г. не обнаруживала никакихъ признаковъ дѣятельности, какъ будто ея и не было...

Между тѣмъ время шло съ невыразимой быстротой, а охотниковъ покупать заявки не только за милліонъ (какъ это

однажды выразилъ желаніе одинъ Макаръ, что онъ не прочь бы уступить участки за милліонъ), но и за полмилліона нѣтъ и нѣтъ...

Не за горами срокъ на заявки; на горизонтѣ всплываютъ зловѣщія тучки, угрожающія скрыть навсегда радужныя иллюзіи, раздутыя легкомысленнымъ капитаномъ. Но, вѣдь, и то надо сказать, не легко разставаться съ надеждами, на коихъ другой предприниматель успѣлъ выстроить дворцы...

И вотъ лѣтомъ 1909 года эта мошка дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы удержаться на занятыхъ позиціяхъ.

Особенно усердно работаетъ какой-то писецъ Макаровъ, организовавшій, по слухамъ, тоже общество какихъ-то отставныхъ канцеляристовъ. Завезли на Ухту рублей на 700 трубочекъ, буравчиковъ и пошли чертить... Съ 10—12 рабочими Макаровъ дѣлаетъ въ теченіе $1^1/_2$ мѣсяца развѣдки на чуть-ли не на ста участкахъ. Встрѣтивъ твердь, «предприниматель» ставитъ желѣзную трубу, наполнивъ ее нефтью, принесенной изъ копежныхъ ямъ бутылками! Другой «предприниматель», инж. В. Л. Бацевичъ, производившій развѣдки на участкахъ г. Абаковскаго, ведетъ дѣло еще болѣе успѣшно. На нѣкоторыхъ участкахъ рабочіе, выкопавъ желѣзной лопатой ямку, ставили трубу, наполняя нефтью изъ копежныхъ ямъ, а то просто водружали столбъ съ надписью «шуфръ», признавъ участокъ нефтеноснымъ.

Опять же надо и то сказать, что на ассигнованные десятокъ тысячъ далеко не ускачешь, особливо при замашкахъ инженера швырять деньги направо и налѣво. И вотъ, чтобы не выйти изъ предѣловъ кредита, отпущеннаго на развѣдки, В. Л. Бацевичъ, занимается продажей водки своимъ же рабочимъ и не по казенной цѣнѣ, а взимая за бутылку 58 коп., за полбутылки 28—30 к. Черный хлѣбъ Бацевичъ продавалъ рабочимъ по 5 к. фунтъ, наживая копейка на копейку! (Цѣна мѣшка ржаной муки вѣсомъ $4^1/_2$ пуда около 7 руб., считая на мѣшокъ припеку 2 пуда, то Бацевичъ выручалъ не менѣе 13 р.). Представьте, Бацевичъ вѣсилъ хлѣбъ какимъ-то крючкомъ, что уличная торговка! Это, глубокоуважаемый читатель, инженеръ, да еще кажется полякъ, которые кичатся своей культурой! Не дурно, чортъ возьми, зрѣлище видѣть ученаго инженера, развѣшивающаго сахаръ крючкомъ, при чемъ у двадцати фунтовъ оказывается два фунта нехватки! Работалъ на Ухтѣ инженеръ Загаринъ, но справедливость требуетъ сказать, что г. Загаринъ продавалъ хлѣбъ по 3 к.

Такъ какъ Бацевичъ всѣхъ участковъ г. Абаковскаго не зналъ, то послалъ на розыски ихъ рабочаго Обросова, пообѣщавъ ему сверхъ поденной платы (1 р. 20 к. въ день) еще и награды 25 рублей, но выдалъ только 10 рублей. Я жилъ въ Сереговѣ на р. Выми. По окончаніи «развѣдокъ» рабочіе приходили ко мнѣ съ жалобами на гг. Бацевичей. Особенно горько жаловался Обросовъ, получившій во время розысковъ ревматизмъ, такъ какъ лѣто 1909 года было дождливое, приходилось бродить по горло въ водахъ.

Но это къ слову; для иллюстраціи «культуры».

И такъ канулъ въ вѣчность третій годъ съ той поры, какъ бассейнъ рѣки Ухты сдѣлался свободнымъ для частной иниціативы, но въ результатѣ... нѣсколько десятковъ трубочекъ, длиной съ голенище... наполненныя нефтью изъ копежныхъ ямъ.

«Частная предпріимчивость», наставивъ колья, дрожитъ за свою судьбу, какъ бы начальство не смекнуло въ чемъ дѣло и не смело съ лица золотоносной земли всю эту мошку.

Здѣсь умѣстно сказать, что ухтинская нефть по разсчетамъ спеціалистовъ, обойдется въ Пермь почти на половину дешевле, нежели бакинская. Можно себѣ представить, какая это угроза владычеству Нобелей, какое дала бы ухтинская промышленность приложеніе русскому капиталу, но, увы и ахъ, колоссальнѣйшія выгоды и преимущества ухтинской нефти передъ бакинской, уже теперь бьющія въ глаза, въ одинъ день могутъ стать иллюзіей, ибо повторяю, что стоитъ Нобелю бросить этимъ молодцамъ по зелененькой на чай? Послѣ мучительныхъ ожиданій и треволненій они и за то поблагодарятъ небо.

Пожалуй читатель замѣтитъ, что Макаровъ не трудно смести съ земли долой. Попробуйте.

Для чего сдѣланы отмѣченныя выше «развѣдки»? Безспорно, Макары себѣ на умѣ. Наставивъ колья, трубочки, Макары попросятъ начальство объ отводѣ имъ участковъ. Отказать ни подъ какимъ видомъ нельзя, ибо они поизъянились на всю тысячонку. Но дальнѣйшія развѣдки, завопятъ Макары, кто же будетъ дѣлать, не имѣя подъ ногами прочной базы, т. е. не получивъ отвода участковъ?

Гдѣ теперь пропадаетъ г. Вороновъ, куда отрада запропалъ... Вѣдь кромѣ 1200 дес. удалый капитанъ сдѣлалъ заявокъ сто, т. е. въ его распоряженіи сейчасъ около 5 тыс. десятинъ нефтеносной земли, которая вся можетъ стать объек-

томъ эксплоатаціи Нобеля. Вотъ вамъ и фунтъ... Только слѣпой можетъ не видѣть, что опасность Нобеля призрачна.

Разумѣется можно было бы поправить дѣло. Можно было бы рѣшиться на героическія мѣры, рѣшительно объявивъ Макарамъ, чтобы въ 24 часа улепетывали по добру... Но, вѣдь, у кого хватитъ духу на такія мѣры...

Въ 1907 г. близко наблюдая на мѣстѣ, я писалъ въ «Нов. Вр.», освѣщая дѣйствительное положеніе дѣла, но изъ ряда статей напечатана небольшая замѣтка. «Дѣловая газета», устами г. Статистика, тогда усердно отмѣчала успѣхи капитана, да и не одному «Новому Времени» вскружилъ голову вѣтренный капитанъ.

А писалъ я о необходимости развѣдокъ за счетъ казны, о необходимости основательнаго научнаго изслѣдованія. Пройдетъ, говорилъ я, еще полвѣка, правительство успѣетъ послать еще полсотни экспедицій звѣздоносныхъ изслѣдователей, истративъ не менѣе милліона, пока, наконецъ, всѣ такъ сказать на мѣстѣ не убѣдятся, что «частная предпріимчивость не оправдала возлагавшіяся на нее надежды...»

Дѣйствительно, русскій капиталъ суется въ огонь и въ воду лишь забронировавшись казенными гарантіями...

Если даже такія соблазнительныя перспективы, какъ ухтинская нефть, не тревожатъ вѣковой покой, то на самомъ дѣлѣ положеніе не завидно.

Три года канули въ вѣчность; мало-по-малу и въ правительственныхъ сферахъ разсѣялись иллюзіи относительно успѣховъ капитана, а въ 1909 г. за счетъ казны производилъ на Ухтѣ изслѣдованія проф. горн. инст. Яковлевъ. Въ текущемъ 1910 году министерство промышленности ассигновало 95 тыс. руб. на дальнѣйшія развѣдки. Предполагается заложить нѣсколько развѣдочныхъ скважинъ, доведя на первый годъ до 50 саж. глубины.

Лучше поздно. Отъ души пожелаемъ, чтобы руководителемъ работъ поставленъ былъ человѣкъ трудолюбивый, но главное, нельзя-ли найти болѣе надежныхъ людей, нежели горный инженеръ Вячеславъ Леопольдовичъ Бацевичъ? Можно заранѣе предсказать, что подобный молодецъ станетъ больше интересоваться карманными выгодами въ ущербъ дѣлу открытія, которое опять можетъ затянуться еще на полвѣка.

И такъ наступилъ рѣшительный моментъ для испытанія подвижности русскаго капитала. Если не въ 1910 г., то въ

1911 году будетъ научно доказано, что нефть на Ухтѣ есть и въ количествѣ достаточномъ для эксплоатаціонныхъ цѣлей. Это ясно и до производства развѣдокъ, которыя безспорно блестяще оправдаютъ мои предсказанія.

Думали, что приливъ капитала въ глухой, дикій край сдерживало бездорожье, но это просто изобрѣтеніе «писателей», а на самомъ дѣлѣ попасть на Ухту легко и хорошо. Да, наконецъ, въ текущемъ году съ рѣки Вычегды до Сидоровой избы на Ухтѣ будетъ оконченъ «зимнякъ».

Надо замѣтить, что и Вологодское земство не дремлетъ. Въ 1909 г. сдѣланъ «зимнякъ» отъ Синдорскаго озера до Сидоровой избы на 106 верстъ. Предсѣдатель Вологодской губернской управы г. Можайскій тоже не мало побезпокоился. Для успѣха дѣла г. Можайскій махнулъ изъ Вологды до дер. Половники, мчался не переводя духъ тысячу верстъ, но уже на мѣстѣ выяснилось, что можно было бы и не ѣздить... Г. Безсоновъ, членъ Начальничьей экспедиціи 1907 г. на Ухту, накаталъ книгу, оттиснутую на прекрасной бумагѣ лучшей типографіей въ СПБ. Голике и Вильборгъ, но кромѣ бумаги книга ничѣмъ не блещетъ. Тѣмъ не менѣе газетка «Рус. Сѣверъ» въ № 496 очень сожалѣетъ, что книга не распространена, сравнивая главу экспедиціи съ Колумбомъ, «открывшимъ въ предѣлахъ Вологодской губерніи, ту новую Америку, которую не могли открыть его предшественники...» Но въ пылу, что не бываетъ? Да и то сказать всѣ хлѣбъ ѣсть хотятъ. Какой-то Л. Ч. меня такъ облаялъ, что лучше врядъ сумѣла бы и сизоносая торговка сигами... На пространствѣ 3 столбцовъ: паскуда борзописецъ, хамъ и пр. прелести. Вышло довольно сильно, но Господь видитъ кто кого обидѣлъ... Я же упомянулъ здѣсь объ этомъ не потому, чтобы возражать на дурацкую брехню безмозглаго „публициста“, а съ цѣлью освѣтить атмосферу лести, которую плетутъ, какъ кружево, казенные публицисты звѣздоноснымъ вдохновителямъ прогресса.

Такимъ образомъ не бездорожье главный тормозъ, сдерживающій приливъ капитала на Ухту, а страхъ потери, рискъ взяться за дѣло, которое кто знаетъ можетъ и не оправдаетъ надежды.

Но теперь само Министерство Промышленности берется за развѣдки; значитъ если не въ 1910, то въ 1911 г. главное пугало будетъ устранено.

Можно съ увѣренностью сказать, что для развитія неф-

тяной промышленности на Ухтѣ найдутся капиталы и дома; надо только растормошить лѣнь и неподвижность, надо не терять минуты пока не поздно, пока колоссальнѣйшіе фонтаны золота не хлынули въ карманы нефтяныхъ королей Нобеля, Ротшильда и К° по примѣру Пермь-Котласской дороги, на которую русская казна ухлопала громадный капиталъ, не только не получая процента, но приплачивая на эксплоатацію, а еврейская плутократія: Дрейфусъ, Нотансонъ и К° огребаютъ ежегодно милліона по 2 чистоганомъ золота.

* * *

— Не далеко и до Сидоровой избы,—проговорилъ мой проводникъ ижемецъ.—А Николай Ивановичъ весь посѣдѣлъ, какъ лунь.

Кажется, вѣдь, онъ еще не старъ,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ не старъ, а какъ то скоро весь извелся и не узнаешь... Все нехтю обжидаютъ съ часу на часъ. У насъ въ Усть-Ухтѣ все колдунъ на коллунѣ. Другой распишетъ тебѣ, какъ на ладони всѣ подземные соусы. Вотъ Николай Ивановичъ и ѣздилъ гадать.

— Старый колдунъ объявилъ ему, что фонтанъ выйдетъ безпремѣнно только не скоро черезъ 15 лѣтъ и шесть дёнъ...

— Пріѣзжалъ и Макаровъ тоже по части фонтана безпокоится. Ну, сказали и ему, что будетъ безпремѣнно, а Макаръ въ Питеръ надо, говоритъ, укрѣпиться. Не ровенъ часъ не смела бы насъ съ Ухты кака нибудь стихія.

— Ей, робя, скомандовалъ Макаръ, содѣйствуй живо, ставь колья, трубочки, потому на будущій годъ отъ Горново епартаменту анжинеры пріѣдутъ такъ чтобы сумлѣнія не было...

— Всякій и на Ухтѣ есть народъ. Вотъ енаралъ Вороновъ. Преже капитаномъ прозывался, а нынѣ Ваше енаральское Превосходительство. Звѣзда! форсу задаетъ здорово. Пріѣдешь на станцію, сунетъ руку въ карманъ и какая тамъ ни попала красненькая, синенькая не глядя отвалитъ на чай.

— Куда бы онъ не явился въ аглицкой, французскій банкъ. Только спросятъ: „ахъ это вы ваше енаральское превосходительство по части ухты намѣреніе имѣете открыть“? Сдѣлайте одолженіе, сколь душѣ угодно...

— Ну заберетъ, растрясетъ и опять...

АОНБ ИМ. Н.А.ДОБРОЛЮБОВА
00090064